

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

К Н И Г А # 7.1

Колхозное строительство

Андрей Шопперт

Колхозное строительство 7.1

«Автор»

2022

Шопперт А. Г.

Колхозное строительство 7.1 / А. Г. Шопперт — «Автор»,
2022 — (Колхозное строительство)

Пенсионер шёл на концерт Вики Цыгановой. Прослушал и пошёл дарить цветы. И тут ферма с фонарями обрывается. Падает. Убивает и пенсионера Петра Штелле и певицу Вику Цыганову. Очнулся Пётр в теле тёзки — Первого Секретаря Краснотурьинского городского комитета КПСС Тишкова Петра Мироновича. И носила его судьбы от ... Ну, вы знаете. Теперь вот занесла в Казахстан. Замечательное место Алма-Ата. Особенно, когда цветут яблони, и когда в конце лета поспевают знаменитые алма-атинские яблоки «Апорт». Есть и минусы, в очень селеопасном месте построена столица Казахстана. И сели с сотнями погибших не редкость. Вот под такой и попал Первый Секретарь ЦК компартии Казахстана Пётр Миронович Тишков вместе с семьёй. Выбрался на природу на праздники. Теперь бы из-под семиметровой западни выбраться. Продолжаются приключения Петра Тишкова и Вики Цыгановой в прошлом. На дворе 1969 год. Отгремели бои на острове Даманский, но Китай на этом не успокоился. А ещё надо вновь поднимать Целину. Да, много чего надо. Читайте.

Содержание

Глава 1	5
Интерлюдия первая	5
Интермеццо первое	8
Глава 2	10
Интерлюдия вторая	10
Интермедия третья	12
Интермедия четвёртая	13
Глава 3	15
Интермеццо второе	15
Интермеццо третье	17
Глава 4	19
Интермеццо четвёртое	19
Событие первое	21
Глава 5	23
Событие второе	23
Интермеццо пятое	25
Интермеццо шестое	27
Глава 6	30
Событие третье	30
Интермеццо седьмое	32
Событие четвёртое	34
Глава 7	36
Интермеццо восьмое	36
Событие пятое	39
Глава 8	41
Интермеццо девятое	41
Событие шестое	43
Событие седьмое	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Колхозное строительство 7.1

Глава 1

Интерлюдия первая

– Официант, у меня таракан в супе!
– Хмм... Да, действительно. Но я думаю, что ваши опасения беспочвенны: вряд ли столь маленькое насекомое сможет съесть весь ваш суп.

Я всё понимаю, но тараканов в ковчег зачем было брать?

Таракан Ёж несколько месяцев был сильно занят. Сначала, после того как утопил засланца Аллена, он наводил порядок в рядах своих бойцов. Молодёжь совсем от лап отбилась. Свободу и демократию ей подавай! Проще стало, когда у них с Мерлин появились детки. Он отобрал шестёрку самых здоровых мальчиков и стал воспитывать из них себе гвардию. Подросли, возмужали – и всемером они живо порядок навели.

А потом опять случился переезд. Он сам отобрал тех, кто поедет. Взял только самых преданных из числа их с Мерлин потомства – и, оказалось, не зря. Потолок не успокоился и вновь прислал врага. Да ещё какого! Да ещё и не одного. Эта сволочь называла себя доктором. «Доктор из Ада», Сиро Исии.

Японец, мать его.

Пропаганды, как таракан Даллес он не вёл – он попытался с помощью пятерых других докторов захватить власть силой. Куда им, мелкотравчатым! Его сыновья легко побили этих докторишек и, оторвав им лапки, бросили на съедение коту Персику. Самого же Сиро связали паутиной и приволокли в норку под «островом» в кухне. Ёж решил основательно допросить чужака перед смертью. Всё понять не мог, по какому принципу потолок присылает сюда засланцев. Лучше бы просто убили, как других докторишек! Этот Сиро Исии такого нарасказывал про себя, что у Ежа и всех, кто принимал участие в допросе, волосы на лапках дыбом вставали.

В свою бытность в органах Ёж и пыток насмотрелся, и низости и гадости всякой человеческой, но вот такое... И ведь считает себя правым, ни капли раскаяния. Как понял Ёж, этот Сиро был не лучше и не хуже остальных японцев. У них вся нация такая. По их мнению, Японская империя имела полное право «объединить восемь углов мира под сенью хризантемового трона божественной династии». Ну, если и не всего мира – то уж точно Тихий океан и Азию с Индией и Сибирью. Про Китай, который по планам должен был стать «бриллиантом империи», наподобие Индии для британцев, – и говорить нечего.

– Но ведь все эти жестокости! Это страшно! Должна же быть этика! – воскликнула послушавшая один допрос Мерлин.

– Этика? Это же гайдзины – пыль под ногами детей богов, доблестных сынов Ямато! И вообще, это были «брёвна», а не люди.

Этот мелкий гадёныш закончил, оказывается, престижный Императорский университет Киото. Медицину изучал.

После этого начал собирать материалы о действии химического и биологического оружия на человеческий организм. Эту же проблему он изучал вграничной командировке по западноевропейским странам. Маньяку островному особенно интересно было общаться с изуродо-

ванными ветеранами первой мировой, которые пострадали от химического оружия. Сиро Исии настолько «увлёкся» данной работой, что вскоре написал диссертацию.

И тут выродку попёрло. Военные заметили талантливого «доктора» и поручили ему разработку биологического оружия. Также Исии получил право проводить эксперименты над живыми людьми. В 1936 году он возглавил группу учёных «Отряд 731», созданную на захваченной территории Китая недалеко от Харбина.

Дай Ниппон Тэйкоку, что переводится как «Империя Великой Японии», в это время стремилась прибрать к ручонкам Китай, Корею, Филиппины и другие азиатские страны. Япошкам было нужно оружие массового поражения для захвата новых территории, а там было лишку местных. Именно на генерал-лейтенанта Исии и была возложена столь важная миссия – и Сиро с присущей японцам работоспособностью старался в поте лица.

Свои «научные» эксперименты «доктора» проводили на пленных китайцах, монголах, маньчжурах и даже русских. Опыты проделывали на мужчинах, женщинах, даже беременных, и детях. Подопытных называли «брёвнами». Их считали просто биоматериалом, который можно использовать до тех пор, пока «бревно» не погибнет. Откуда русские? Много в Харбине было белоэмигрантов и их потомков, а так как у разных рас разный иммунитет, то для борьбы с СССР нужны были данные именно от русских «брёвен».

Больше всего Сиро интересовали микробы, различные заболевания и способы их лечения. Сифилис, холера, чума, оспа, различные болезнетворные бактерии и все прочее входили в интересы изучения. Людей принудительно заражали, а потом пытались лечить. Например, мужчину и женщину заранее заражали сифилисом, далее заставляли совокупляться. Когда женщина рожала уже больного ребёнка, его начинали лечить, а если ничего не получалось, «биоматериал» уничтожали...

Руки и ноги подопытных специально подвергали обморожению разной степени поражения. Почерневшие до костей руки и ноги несчастных «врачи» пытались лечить. Также умышленно запускали гангрену. Если конечность сгнивала, её просто ампутировали, а выжившее «бревно» дальше использовали в опытах. Сиро Исии подробно вёл дневник и записывал в журнал все проводимые эксперименты...

Широко применялась вивисекция на людях, операции без наркоза – кишечник, например, удаляли, или там часть мозга, и «наблюдали». Интересовались.

Генерал-лейтенант Сиро Исии таки изобрёл биологическое оружие, а точнее – биологическую бомбу. Бомба представляла собой «вазочку», сделанную из фарфора, в которой находились заражённые чумой мухи или блохи. Эти штуки сбрасывались на противника. При падении капсула разбивалась, насекомые разлетались и расплзались по округе, заражая уже противника.

Боевое применение изделий «отряда 731» началось почти сразу после вторжения японской армии в Китай. Эксперименты показали, что эффективнее всего распространяются чума, тиф и холера.

Для рассеивания чумы авиация императорской армии засыпала города и партизанские районы фарфоровыми бомбами. Контейнеры с тифом и холерой бросали в колодцы и другие источники воды, из которых брали воду мирные жители, повстанцы и китайские солдаты. Массированное применение чумных бомб, а также химического оружия, по жилым кварталам, отмечалось во время тяжёлых боёв за Чандэ, в которых китайская армия всё же одержала победу.

В самом конце войны японское командование решило нанести биологический удар по США. Название операции «Цветущая вишня в ночи» придумал лично доктор Исии. Пять суперподлодок, подводных авианосцев I-400 с тремя самолётами на борту каждая, должны были отправиться с запасом чумных бомб к берегу Калифорнии для заражения Сан-Диего – главной базы Тихоокеанского флота США. Чуть не успели – капитуляцию подписали.

Сиро Исии сразу сдался американцам и передал им все спасённые при срочной эвакуации документы. Ведь военный преступник, да к тому же – врач-садист. Должен предстать перед судом и понести достойное наказание. Однако янки были заинтересованы в разработках «великого» учёного, и поэтому он получил иммунитет от военных преследований. Протекцию доктору Исии и его попавшим в американские руки сотрудникам объявил лично Дуглас Макартур. Их собрали и вывезли в США, где отправили работать над американскими программами разработки биологического оружия в таинственном Форте Детрик.

Своей смерти таракан Сиро не помнил. Помнил боль – у него был рак горла. Пронизанная метастазами гортань доставляла ему страшные мучения. Он не мог говорить, есть, пить, и последние дни своего существования жил на обезболивающих препаратах.

Вырывать показаний из этого задохлика не пришлось – сам всё вдохновенно выплёскивал в треугольные головки гайдзинских тараканов. А, собаке собачья и смерть. Оторвали все три правые лапки и выбросили посреди кухни – пускай кругами побегает от Персика.

Ну, что потолок, присылай новых врагов!

Да чтоб вас там перекорёжило!!! Вот лопух, вот олух царя небесного! Главного не вызнали у усача японского. Давно, когда Ёж ещё большим начальником был, попало ему на стол, как особо важное, дело профессора Зильберта. Донос на того пришёл. Был тогда профессор с целой группой других учёных отправлен на Дальний восток разбираться с клещевым энцефалитом. Сразу по возвращении был арестован по доносу о попытке заражения Москвы по городскому водопроводу и недостаточно быстрой разработке лекарства от этой болезни. Потом справку интересную на него прислали. Находясь в заключении, Зильбер часть срока отбывал в лагерях на Печоре, где в условиях тундры получил из ягеля дрожжевой препарат против пеллагры и спас жизнь сотням заключённых, погибавших от полного авитаминоза. Даже авторское свидетельство было получено на изобретение, только записано на имя НКВД. Так вот, в доносе было сказано, что клещей заразили этим страшным заболеванием японцы. Уж не правда ли это была? Не этот ли доктор из Ада сотворил? Всё, не узнать теперь. Ай, лопух, ай, олух царя небесного, ну, как же так. Главного не вызнал!

– Эй, потолок, а можно этого Исию назад?

Интермеццо первое

Звонок в турагентство. Звонящий спрашивает оператора, продаёт ли она туры в Швецию. Та отвечает – конечно, продаёт. Клиент уточняет, а какие города там есть. Оператор отвечает:

- Гётеборг, Стокгольм, Мальме, Кальмар...*
- Стокгольм, точно Стокгольм подходит!*
- Когда вы собираетесь поехать?*
- А, да нет, мы тут кроссворд разгадываем.*

Огромный флот входил в Дарданеллы. Позади остались и узость Босфора, и кишашее судёнышками и судами Мраморное море. Вот теперь шестьдесят миль, и всё – простор Эгейского моря. Неудачно получилось – к Гелиболу, что карабкается по кручам европейского берега, подошли в начинающихся сумерках. Не полезли в узость пролива в темноте. Нет, турки, конечно, освещают берега, да и маяки стоят, и лоцманов дали, но посередке этого вожаделенного для писателей-альтернативщиков пролива есть узенькое мелкое горлышко в районе Чанаккале. Было бы одно судно, или даже пяток – вице-адмирал Виктор Сергеевич Сысоев принял бы решение идти и ночью, но в этот раз за ним следовало почти двести кораблей, и только одиннадцать из них были военными. Остальные – гражданская «мазута». Последний раз адмирал проходил проливы не так и давно, с самыми новыми и боеготовыми кораблями Черноморского флота. Во время Шестидневной войны отряд под флагом контр-адмирала Сысоева спешно прибыл в восточную часть Средиземного моря для демонстрации силы с целью прекращения наступления израильских войск. Там и шестой флот янкесов уже болтался, чуть не весь. Кабы полыхнуло, там бы все и остались. Там такие монстры «плавали», что мимо и проходить страшно.

Так и сейчас непременно встречаются, уж тут к семи гадалкам не ходи. Несколько «деструайе» французов и пяток «дистройеров» США крутились вокруг их почти неуправляемой армады, пока они телепались через Мраморное море. Ну, лягушатники-то ладно – если и не союзники, то и не враги, а вот полосатые...

Опять этот набитый пафосом и самомнением индюк из министерства строительного придёт на мостик и будет оспаривать его решение. Для чего тот Михаил Семёнович этим занимается, адмиралу не было ясно. Пока они в походе – главный он, а потом пусть на берегу и командует. Просто хочется толстяку поруководить, значимость свою показать? Э нет, тут скорее другое – нужно Мишутке этому поскандалить.

Наверное, каждый хоть раз в жизни сталкивался с профессиональными скандалистами. Это всем недовольные люди, долго и бережно копящие негатив, который периодически нужно выплёскивать. Главное – найти повод. Какой? Да любой. Дверь не придержали, не уступили место, на улице жарко (холодно, снег, нет снега, дождь, пыль, давно дождя нет). И, естественно, нужен человек-приёмник, на которого выльются ушаты злобы, обиды и возмущения. Как и для повода, человек может быть абсолютно любым. Выпустит пар скандалист, покроется сам красными пятнами, да и уберётся удовлетворённый, а ты стоишь оплётанный и считаешь мысленно до десяти. Десяти тысяч.

– Сергей, – обратился командующий к кавторангу, что был в это время на мостике, – не пускай сюда Куприянова, если припрётся.

– Есть не пускать, – понимающе кивнул старпом и тяжело вздохнул. Теперь этот Семёныч будет брызгать слюнями на него.

Флот шёл дальше, через Эгейское море на юг к Порт-Саиду. Всю эту армаду нужно будет протолкнуть через Суэцкий канал в Красное море. Ещё и всё Красное море оберегать придётся гражданских. Дальше ведь путь предстоит – нужно будет обогнуть мыс Рас-Мухаммед и

повернуть на северо-восток. Там, недалече, и конечная цель их маршрута – город Шарм-эль-Шейх. В переводе с арабского – «бухта шейха».

Советское правительство получило там в аренду на сто лет кусок суши площадью пятнадцать квадратных километров. На севере этого городка, или посёлка, между ним и зарослями мангровых деревьев. Эти удивительные растения сами опресняют для себя солёную воду. Куприянов раз десять уже увещевал, чтобы деревья даже пальцами не трогали – экзотика, национальная достопримечательность.

Да и ладно. Пусть себе растут – будет туристам куда сходить погулять, не вечно же на пляже валяться. Станут в этом Шарм-эль-Шейхе строить большой курорт, с десятками пансионатов и тремя пионерскими лагерями.

Ещё небольшой кусочек земли арендован в ста километрах отсюда, в городке Эль-Тур. Там будут бурить скважины и по трубам гнать питьевую воду в Шарм-эль-Шейх, а для бассейнов и туалетов всяких соорудят заводик по опреснению морской. Вот на сотне с гаком судов сейчас они и везут в эту пустыню, чуть прикрытую от ветров Синайскими горами, оборудование и стройматериалы. Ну и несколько тысяч строителей.

Самое интересное в этой истории – то, что Синайский полуостров сейчас оккупирован Израилем. Видно, потому египтяне так легко на эту аренду и согласились. А Израиль?

А Израиль неожиданно дал добро и заверил, что не будет чинить никаких препятствий. Интересно, за какие ниточки дипломатам пришлось дёргать, чтобы евреи пошли на такое?

От мыслей отвлёт шум за стеклом. Ну, точно – припёрся скандалист, выплёскивает свой негатив на кап-два. Кто там, в министерстве, его послал на такое важное и непростое строительство? Хотя, может, ларчик и просто открывается? И там всем надоел, вот и сослали с глаз долой. Может, тут перегреется. Инсульт хватит во время очередной истерической тирады.

Адмиралу Виктору Сергеевичу Сысоеву, напутствуя в этот поход, шепнули, что не всё это ещё. Оказывается, у Египта арендовали не один кусочек берега, а два. Второй – в районе города Хургада, там тоже кусок побережья, и впридачу довольно большой остров, который называется Большой Гифтун. Как и в Шарм-эль-Шейхе, будет строиться курорт, и ещё база для нашего флота. Тут Израиль не при делах, это уже Африка, и территория принадлежит Египту бесспорно. И опять непонятно, что нужно было сделать, чтобы Штаты не начали вопить и вставлять палки в колёса. Что-то, видать, там, в верхах, придумали, как янкесов строить.

Стихла ругань за окном. Кавторанг, тоже красный – или это вечернее солнце всё в такой цвет выкрасило? – зашёл и, вытащив из кармана брюк помятый носовой платок, вытер лицо.

– Всего оплевал, – обращаясь к графину с тёплой противной водой, сообщил он.

– Ну-ну, Сергей, за битого двух небитых дают, – хмыкнул Сысоев.

– А за оплётанного двух каких дают?

– За одного битого двух небитых дают, а за одного убитого – пожизненное.

– Предлагаете притопить?

– Стишок тут внучок на днях рассказал:

Битый вновь везёт небитых —
Дуракам всегда везёт,
А голодный и небритый
Лапу грязную сосёт.

– И к чему это, Виктор Сергеевич?

– Просто к слову вспомнилось. О, вот и смена! Пойдём, Серёжа, отдыхать – заслужили.

Глава 2

Интерлюдия вторая

– *Здравствуйте! А где поезд на Одессу?*

– *Уже ушёл.*

– *А куда?*

– О, Грач! Проходи. Чого смурной? – хозяин квартиры отошёл на шаг от двери, пропуская гостя. – Шас я расскажу тебе случай, и ты впечатлишься. Иду себе вчѐра по улице, никого не займаю, наблюдаю пейзаж. По улице шастает интеллигент, пристаёт к прохожим. Добрался до меня.

«Вы не знаете, где находится почта?»

«Знаю. А зачем она вам?» – интересуюсь. Чудик эдакий, очкастый и лохматый.

«Хочу послать деньги родителям в Москву.»

«Пошлите со мной» – говорю.

«Нет! Я вас не знаю!» – и как-то отходить намыливается.

«Не бойтесь, пошлите со мной!» – даже улыбнулся ему, – хозяин продемонстрировал полный рот золотых зубов.

«Нет! Ни в коем случае! Вы меня обманете!»

«Ну ладно, если ты из Москвы, скажу тебе по-русски: идѐмте со мной! Я покажу, где почта!»

– Москали! – блеснул фиксами и Грач.

– Слухай, Грач, я имею тебе кое-что сказать...

– Ой, не надо меня уговаривать, я и так соглашусь!

– Смотри-ка, да ты стал заносчивый, как гаишник с престижного перекрёстка. Али шо, с мозгами поспорил?

– Всѐ, слушаю, Михал Соломоныч, гутарь, – невысокий, юркий, эдакий паренѐк лет двадцати пяти с черными короткими волосами и такими же чѐрными глазами чуть навывкате (за что, очевидно, и получил прозвище), осмотрелся и брякнулся на стоящую возле дивана табуретку.

– Ты ведь знаешь, где город Алма-Ата? – перешѐл на чистейший русский хозяин.

– Не хочу вас расстраивать, но у меня все хорошо с географией, – вновь блеснул фиксами черноглазый Грач.

– И чудненько. Берѐшь пару-тройку ребяток пошустрее и едешь в Волгоград. Там покупаешь билеты до Алма-Аты, – Михаил Соломонович остановился, подошѐл к столу, взял из коробки «Герцеговина Флор» папироску и прикурил от прозрачно-жѐлтенькой биковской зажигалочки с профилем Джо Дассена. Выдохнул пару колечек и продолжил, – там, не доезжая чутка, есть станция Каскелен. Выходите. И смирно сидите на перроне. Один должен быть вот в этой шляпе, – хозяин взял со стола белую, плетѐную из чего-то шляпу и сунул Грачу.

– Михал Соломоныч, не расчѐсывайте мне нервы...

– Гляди ты, нервный какой. У тебя есть денег, щобы так себя вести? – Хозяин ещѐ выпустил несколько колечек дыма.

– Что делать будем? – Грач, сидевший на чуть шаткой табуретке, поднялся и тоже взял из коробки папиросу, потом передумал и хотел назад положить, однако рука по привычке сунула её за ухо.

– Нашли проводника хорошего. Отведёт до отличного местечка, где нет лишних глаз, и есть много травки. Очень много. И очень качественной. Он же поможет потом сесть в товарняк обратно до Волгограда. Пустые вагоны гонят частенько. Усёк.

– А то. Как на Привозе гутарят: «Я вас уважаю, хотя уже забыл за что!».

– Треть ваша. После реализации...

– Треть? – схватил очередную папиросу парень и вновь приземлился, так и не закурив, с папиросками уже за обоими ушами.

– Ну ты посмотри на этого патриота за мой счёт! А продать, а проводник, а менты, чтобы им повылазило? Я уже не говорю об общаке. Сам будешь? Уже сиди и не спрашивай вопросы...

– Ну, хоть половину? – выставил руки вперёд Грач.

– Ты уходишь, слава Богу, или остаёшься, не дай Бог?

– Ухожу, – цыкнул парень и поднялся с табурета.

– Шляпу возьми, ипохондрик. В Каскелене нужно быть двадцатого.

Интермедия третья

- С одного акра конопли можно произвести больше бумаги, чем с 3-4-х гектаров леса. При этом конопляная бумага не требует отбеливания, не желтеет, она прочнее и долговечней бумаги из древесины.*
- У меня друг ментам то же самое говорил, всё равно посадили.*

Это случилось ночью 18 июля 1969 года на Чимкентском химико-фармацевтическом заводе. Данное деяние квалифицировалось Уголовным кодексом весьма банально – ограбление. Неизвестные злоумышленники проникли на территорию завода, обезвредили охрану и вынесли со склада готовой продукции весь имевшийся там на то время морфий – девять шестикилограммовых банок. Даже себестоимость похищенного по государственным ценам была огромной – 520 тысяч рублей. А если пересчитать стоимость похищенных сотен тысяч доз, которые можно было получить из похищенного чистейшего морфия, то по ценам чёрного рынка получались запредельные цифры. Они просто не укладывались в сознании советского человека конца 1960-х годов.

У приехавших на место преступления милицейского и прокурорского начальства сразу же появилась версия случившегося: действовали свои – вероятнее всего, сотрудники, или, по крайней мере, те, кто хорошо осведомлён о делах на заводе. Даже мысль о гастролёрах была отмечена сразу. Совершившие хищение хорошо знали, где и что нужно брать, а главное, действовали очень быстро, и это, без сомнения, свидетельствовало об отличном знании обстановки. Кроме того, мало кому за пределами Чимкента было известно не то что о продукции химфармзавода, но даже о самом его существовании.

Этот завод был основан в 1882 году купцами Ивановым и Савинковым. В то время предприятие занималось переработкой полыни и производством из неё модного на рубеже веков глистогонного средства сантонины. По названию основной продукции завод именовался Чимкентским сантониновым. Однако не всё так просто: некоторые жители Чимкента и до революции знали, что помимо сантонины завод производит ещё и не менее модное обезболивающее – морфий, который и приносил его основателям основную часть доходов.

Продукция предприятия не слишком изменилась и после революции, когда он во времена НЭПа сдавался в аренду частным предпринимателям, а по возвращении под государственное управление и стал именоваться Химико-фармацевтическим заводом № 1 имени Ф.Э. Дзержинского. Однако из-за того, что предприятие вырабатывало только полуфабрикаты для производства медикаментов и не занималось производством и фасовкой препаратов для населения, его название и характер изготавливаемой продукции оставались известны лишь узкому кругу специалистов, ну и ещё его работникам и жителям Чимкента.

При осмотре склада, откуда было похищено «сырьё» для производства лекарств, у следователей волосы встали дыбом. Из практически не охраняемого сарая из гнилых досок украдено на полмиллиона рублей! А всей охраны на заводе – один пенсионер и две многодетных матери.

По всеобщей ментовской привычке начали бы хватать всех подряд и выбивать показания, но вдруг на завод приехали «соседи». Отобрали документы, дали поджопников местным шерлокам и мегреням, и попросили не отсвечивать.

Интермедия четвёртая

*В электричке двое разговаривают.
– Знаешь, какая разница между ослом и милиционером?
Тут как раз за дверью стоит милиционер, услышал, входит и спрашивает:
– Ну, какая?
– А... Никакой.
– Ну то-то же.*

Самое первое упоминание о наркотиках на территории СССР нашлись в трудах «отца истории» Геродота, и было это аж две с половиной тысячи лет назад. Дядечка писал, что жившие в причерноморских степях скифы кидали семена конопли на раскалённые камни. Скифы при этом вопили от удовольствия. Нехилая была тогда конопля, не чета современной.

Всё историки решают, куда скифы делись. Вот! Геродот знает. Стали все нариками. Потом, после исчезновения скифов, не до конопли стало. Место под солнцем русы отвоёвывали. Отвоёвывали, отвоёвывали – и отвоевали Кавказ и Среднюю Азию, где курение гашиша есть национальная традиция. Понятно, скифы научили. С этими традиционалистами столкнулись наши солдаты и офицеры, которые безмерно страдали и мучились из-за отсутствия хлебного вина. Вернулись в Северную столицу – а там уже и лавки китайские, и аптеки наши. Вдохнула Русь-матушка облегчённо.

Запрет царского правительства на продажу наркоты привёл к расцвету контрабанды – тоже, понятно, из Средней Азии. Впрочем, не всё так плохо: тогдашняя пограничная стража ловила караваны с терьяком (опиумом) в поте лица. Ещё бы: четверть добычи доставалась ловцам.

Потом в богоизбранной стране подсела на наркотики богема – писатели и прочие художники, а от них переняли эту привычку уголовники. Кокаин вошёл в моду. Потом морфин и опиум, который использовался в медицинских целях. И вот тут – выверт. Врачи, медсёстры и всякие фельдшера почти обогнали богему и уголовников по самостоятельному «лечению». Булгаков это отлично описал в рассказе «Морфий». Чего искать и далеко ходить – просто поделился собственным опытом сидения на игле. Умнейший был человек.

Дальше началась Первая мировая и сухой закон. А чем стресс снимать? Ещё и закон о запрете на посадку мака отменили, нужен был морфий для лечебных целей. Полно раненых.

Сеяли мак в основном в Киргизии, на берегах Иссык-Куля. Революция ничего не изменила – марафет правил преступным миром, а большевики сначала с преступниками и не боролись, даже поощряли. Социально близкие. Пролетарии ножа и топора. Экспроприаторы.

Только в 1924 году одумались и приняли декрет Совнаркома о введении в УК статьи 140-д, согласно которой изготовление, хранение и сбыт наркотиков наказывались тюремным заключением на 3 года.

Тогда же в Туркестане создали специальные опиеробческие хозяйства, производившие опий для медицинских целей. Только на чёрном рынке он в сто раз дороже – куда понесут? Дали ОГПУ право стрелять без суда и следствия. И тут не убоялись наркоторговцы – чуть лишь уменьшился поток левого товара. В 1930 году эти опиеробческие хозяйства были объединены в колхозы. Опять ничего не поменялось.

А ещё большевики стали замалчивать проблему. «В СССР непрерывный рост благосостояния трудящихся, подъём культурного уровня населения, оздоровление труда и быта создали благоприятную обстановку для ликвидации наркомании. Кокаинистов в СССР нет, морфинисты представляют редкость». Это из Большой Советской Энциклопедии.

На всю страну в 1954 году зарегистрировано всего 2500 наркоманов.

Ну вот, слава Богу, справились. Теперь семимильными шагами к светлому будущему!
На самом-то деле всё не так благостно.

Пётр Тишков, когда получил секретный доклад местного милицейского (в 1968 году МООП опять милицией назвали) начальства весной 1969 года, просто охренел. Получалось, что даже не в разы больше, а в сотни раз! Нужно было что-то делать – и всё упёрлось в завод в Чимкенте, а ещё в огромные поля мака в Киргизии. И огромное же количество дикой конопли.

И чего теперь-то? Ну, вот, попробовал убрать производство и переработку на Тайвань. Тоже ведь за день не сделать, пару лет надо. А что сейчас?

Глава 3

Интермеццо второе

– Деда, а расскажи, как ты во время войны два самолёта сбил!
– Ну-у-у, кхм... Не совсем сбил... Скажем так: недозаправил!

Одна очень большая и очень гордая птица, орёл, любила летать в поднебесье и не любила никому уступать дорогу. Так выпьем же за эту неуступчивую лепёшку на борту самолёта Ил-86.

Валяться в больнице Джину надоело ещё в первую неделю. Время от времени заходил проведать Игорь Васильевич, и они на смеси английского и русского обсуждали, как упрочить конструкцию их «стрекозы», чтобы при установке на неё новых немецких роторных двигателей этот самый двигатель не улетел отдельно от самого вертолётa. Ещё вечерами, когда поток посетителей к мистеру президенту иссякал, Минго стучал в дверь и по уже сложившейся традиции приносил собственноручно сваренный кофе. Русские и казахи – хорошие парни, и Джин рад, что приехал сюда, но кофе они готовить не умеют. Даже не так: они и не пытаются его готовить. В тех редких местах, где можно выпить чашечку кофе – а это всего пару ресторанов и кафе в довольно большом городе – так вот, там просто в котёл с кипятком засыпают молотый сотню лет назад кофе, и бухают без меры прямо туда сахар. Варварство! Получается чересчур сладкий, чуть горьковатый компот с лёгким привкусом кофе, и вообще нет запаха. Так ещё и пьют из стеклянных стаканов! Вдвойне варварство.

Его друг и наставник мистер Бенсен кофе не пил – врачи запретили. Немолод великий магистр ордена воздухоплавателей. Однако немолотых и необжаренных зёрен Джину достал, причём, через самого мистера президента. Джин вспомнил, как варила кофе соседка, миссис Уиллсон. Попробовал, обжарил, размолот на изготовленной у них в мастерской ручной мельнице, купил в магазине пакетик гвоздики и перец горошком, тоже размолот, смешал по пропорциям соседки, и, в самодельной опять-таки турке, сварил, на подложке из промытого речного песка. Это уже в Питтсбурге у араба Джо в кафешке подсмотрел. Вот кто дока кофейных дел! Теперь вышло то, что нужно – и аромат, и горчинка.

Так вот, попав в больницу, Джин на третий день уговорил Игора Васильевича принести ему все нужные приспособления и ингредиенты и вечером во дворике стал заваривать себе кофе. Соскучился. Вышедшие посмотреть страшные парни из Кей-Джи-Би понюхали и попросили дать попробовать. Стали плевать – хорошо хоть, не в самого Джина.

– Разве это кофе! Горький, и сладости нет. Гадость. Хреново вы там в Америке живёте, сахар у вас, видать, дефицит, – махнул рукой их главный, мэйджор Мисша.

Ушли. Джин попивал, сидя на скамейке, вторую чашку и наслаждался видом красного огромного солнца, прячущегося за горы, среди редких окрашенных в розовый цвет облаков, когда мэйджор кашлянул у него за спиной. Минго чуть сам не закашлялся – поперхнулся от неожиданности. Как этот почти с него габаритами парень двигается так тихо?

– Джин, там Пётр Миронович узнал от меня, что ты кофе сварил, попросил и ему сделать чашечку.

Мистеру, ой, нет, товарищу президенту кофе понравился. Теперь они рано утром и вот так, вечерком, пили по чашечке и разговаривали – однако всему приходит конец. Мистера Тишкова отправили лечиться домой, а Джина по его просьбе тоже вскоре выписали из больницы. Они с мистером Бенсеном жили в одном доме, сделанном русскими на окраине города

из выточенных на токарном станке больших брёвен. Целые терема, как говорит Игорь Васильевич. Тоже первое время на костылях вокруг дома ходил, потом с палочкой, а вскоре – и без неё. Мало ли травм он получал за свою карьеру футболиста – всех и не сосчитать, и все заживали почти без последствий, как на собаке. Старики говорили, что болят кости к непогоде – так нет почти непогоды в Аламэде. Хорошая погода. Замечательный город.

Сегодня день был хороший и плохой сразу. Они с мистером Бенсеном уезжали из Алма-Аты. Новым местом их обитания будет город Павлодар. Это далеко на севере, там будут выпускать вертолёты по проекту Игоря Васильевича для нужд местных колхозов и лесничих, а также и для полицейских. Кого уж они там, в воздухе, будут ловить? Это хорошая новость. Но вот то, что Джину придётся уехать из Алма-Аты и своего деревянного дома, его расстраивало. А ещё он будет далеко от их негритянского колхоза. И так-то не часто видятся, а теперь и вовсе. Сотни и сотни миль.

Решили они с мистером Бенсеном на прощанье полетать над тем местом, где сель сошёл. Сели в машину-«шишигу» и отправились. Привезли, сгрузили коптер, и стал Джин запускать его, а двигатель фырчит и не заводится. Покопались, прочистили свечи. Нет! Чихает, и всё. Уже плюнули и решили грузить его назад на машину – но неугомонный изобретатель ещё что-то подкрутил и, чихнув ещё пару раз для приличия, двигатель затарахтел на низких оборотах.

Минго надел парашют, пристегнулся и взмыл вверх. Сделав круг над тем местом, где сель снёс прибрежные деревья и домик президента Тишкова, он решил подняться повыше и рассмотреть Алма-Ату. Начал заходить по широкой дуге. Вот уже почти вся столица Казахстана видна. Ещё чуть выше.

Сильнейший удар выбросил Джина Минго из креслица пилота, разорвав ремни и оглушив самого бывшего футболиста.

Интермеццо третье

Поймали крутые бизнесмена, отвезли его на озеро и окунают с головой в прорубь. «Доллары есть?» – «Нет...» – «Марки есть?» – «Нет...» – «Ну хоть рубли есть?» – «Слушайте, мужики, вы или дайте фонарик или подольше под водой подержите – шифига не видно!»

Шафик Чокинович Чокин, член ЦК Компартии Казахской ССР, отвечающий за гидроэнергетику, и бывший президент Академии наук Казахской ССР, в этот день поехал на Верхне-Алма-атинскую ГЭС, также именуемую «Озёрная». Сель, что унёс почти две сотни жизней и чуть не угробил Первого секретаря ЦК Компартии Казахской ССР Петра Тишкова и его семью, прошёл чуть севернее, и каскада ГЭС, что снабжают электроэнергией столицу Казахстана, не затронул. Тем не менее, на заседании ЦК по инициативе Маленкова было принято решение о внеочередной тщательной проверке всех водохранилищ и плотин соответственно.

Эта ГЭС является головной станцией каскада, осуществляет водозабор из Большого Алма-атинского озера, обеспечивая работу всех остальных ступеней. Самая мощная ГЭС каскада и самая высоконапорная станция республики была введена в эксплуатацию в 1953 году. Тут установили закупленные по настоянию самого академика Келдыша три агрегата итальянской фирмы «Ансальдо Сан-Джорджо», которые и работают без малейших сбоев до настоящего времени.

Намывную плотину высотой 12 метров, созданную на естественной плотине завального происхождения, проектировали как раз в то время под руководством академика Чокина.

Сейчас чуть севернее столицы на реке Или строится огромная по сравнению с этими малышками Капчагайская ГЭС, также спроектированная под руководством Чокина.

Да вообще вся гидроэнергетика Казахстана, можно сказать, его детище, и даже строительство более чем четырёхсоткилометрового канала от Иртыша до Караганды тоже велось по его проектам. Однако вот уже три года как из-за борьбы кланов, в которой, естественно, победили кунаевцы, Шафик Чокинович был вынужден написать заявление «по собственному желанию» с поста президента Академии наук Казахской ССР. Обидно. Нестарый ведь ещё, и мог бы много пользы принести. На днях он заехал домой к Петру Тишкову и рассказал ему о своём проекте по переброске вод сибирских рек в Казахстан. Ведь, по существу, канал Иртыш – Караганда и является первым кусочком этого проекта, без которого Арал погибнет за считанные годы.

– Расскажите, а что за история со снятием вас с поста президента? – нахмурился Тишков.

– В начале апреля 1967 года меня вызвали на заседание Бюро ЦК Компартии Казахстана для обсуждения моей деятельности. Заседание проходило при закрытых дверях, руководил им Кунаев, почему-то протокольные записи не проводились. Члены Бюро ЦК сидели, как в рот воды набрали. Только второй секретарь ЦК партии Титов, предсовмина Бейсебаев и председатель Верховного Совета Ниязбеков в итоге предложили мне подать заявление об освобождении от должности президента Академии наук. Я наотрез отказался сделать это.

– И...

– Против ветра плевать глупо...

– Давайте-ка мы ещё раз вернёмся к тому заседанию. Основные фигуранты живы-здоровы. Я с ними побеседую поодиночке и дознаюсь, откуда и куда что тут вливается и куда вытекает. А вы пока, Шафик Чокинович, обследуйте самым тщательным образом все гидросооружения, как и решили с Маленковым. Хватит уже людей убивать. Не война ведь.

Вот и приехал сегодня академик на эту станцию на берегу Большого Алма-атинского озера. Даже дорога сюда – и то кусочек счастья: вспоминаешь молодость, любишься вековыми

елями и заснеженными вершинами гор. Зимой озеро полностью замерзает, и тогда вообще выглядит фантастически. Сейчас в середине лета тоже прекрасно. Сверху кажется серым, но стоит спуститься к самой воде – и видишь, как сверкает солнце в прозрачной глубине, переливаясь всеми оттенками синего и зелёного.

Шафик Чокинович стоял рядом с плотиной и любовался горами, вдыхал свежий пьянящий воздух, когда послышался всё нарастающий вой. Сначала он даже не обратил внимания: шумела вода в ГЭС, эта непонятная нотка и не выбивалась из общего фона. Потом вой стал громче – и это точно был посторонний звук. Чокин покрутил головой. Звук шёл со стороны Алма-Аты – вернее, почти оттуда, чуть восточнее. А потом он увидел это. Большой самолёт, резко снижаясь, летел – да, можно даже сказать, падал – прямо на него. Академик даже испугаться не успел. Огромная металлическая птица вдруг ещё сильнее клюнула носом, подняла облако брызг, погнав к берегу большущую волну, скользнула десятка три метров по глади озера и стала, разваливаясь, погружаться. И минуты не прошло, а сбитая птица уже исчезла в сомкнувшейся над ней водой, и только разбегавшиеся во все стороны метровые волны напоминали об аварии.

Волна докатилась до берега и обдала наблюдавшего всё это с открытым ртом академика. Сбила с ног, покатила по камням, но тут же отхлынула. Шафик Чокинович не стал дожидаться второй волны – бросился прочь от берега, но догнала, проклятая, опять сбила его с ног. Теперь уже на большее сил не хватило. Опять подскочив, Чокин ещё успел проделать десяток метров, когда его догнала третья волна. Уф, у этой уже совсем мало силёнок осталось, только до щиколотки дошла и отступила. Были потом и четвёртая, и пятая, но эти и до ног остановившегося академика не добрались.

Долго, пару минут, стоял Шафик Чокинович на берегу озера и приходил в себя. К нему подбежали люди, стали чего-то кричать, ощупывать его, а он стоял и, лениво отмахиваясь, смотрел на воду. Сердце защемило. Что-то подсказывало пожилому человеку, что случившаяся вот сейчас беда – это и не беда вовсе, а лишь маленькое дуновение той беды. Не случилось.

Хвала Аллаху, есть он там или нет.

Глава 4

Интермеццо четвёртое

– Представляешь, на выходных решил навести порядок в гараже отца. Среди хлама нашёл разобранный лёгкий самолёт – алюминиевые трубки, брезент. Все выходные пытался собрать – не получается. И так крутил, и эдак... Поможешь?

– А это точно не раскладушка?

Игорь Васильевич Бенсен (ну, или Бензин по родителям) стоял на опушке мрачного елового леса и, задрав голову, смотрел, как этот простоватый на вид огромный негр выписывает пируэты на его новом гирокоптере В-18с. Гибрид его В-16 и автомобиля модели NSU Ro 80 с двухроторным двигателем Ванкеля мощностью 115 л. с.

Аппарат получился чуть тяжеловатым. Из-за мощности двигателя пришлось укреплять корпус, и даже сделать небольшую полуоткрытую кабину из стеклопластика. А ещё «президент» Тишков посоветовал при осмотре чуть увеличить крылышки. Методом проб и ошибок дошли до этой модели – и теперь вот придётся, по сути, всё бросить и перебираться на другое место. Конечно, там будет целый завод и конструкторское бюро в его распоряжении, но бросать почти налаженный быт и обустроенную под себя мастерскую не хотелось. Получалось, что всего за год жизнь второй раз придётся с нуля начинать.

Модель его гироглайдера «Spirit of Kitty Hawk» оказалась очень удачной, на ней в 1967–1968 годах было установлено 12 мировых и национальных рекордов, в том числе, по скорости, высоте и расстоянию – а потом он поддался на уговоры тёзки и старшего товарища Игоря Сикорского. Решился махнуть рукой на свою фирму, что еле сводила концы с концами, несмотря даже на этот успех. Махнул и на дом в городе Роли, Северная Каролина. Всё же вот, отрешившись от штурмовщины и текучки, следует признать, что его фирма с самого начала была обречена. Что он делал? Играл. И продавал свои автожиры таким же не повзрослевшим людям. Модели продавались для самостоятельной сборки авиалюбителями, в наборах или монтажных схемах. Комплекты продавались по цене от 995 до 2900 долларов – и каждый год количество энтузиастов падало. Нужен был рынок, а он играл. Кое-что удалось продать, кое что – вывезти в СССР, получился в итоге чуть не миллион рублей после всевозможных выплат ему и налогов государству. На безбедную старость в новой стране им с Мэри хватит.

Вот теперь будет ещё и рынок, будет поддержка государства, ведь даже сам первый космонавт Земли Юрий Гагарин летал на его В-16 и признал их очень нужными для сельского хозяйства и лесников. А потом машинку испытывал и ещё один космонавт Комаров, тоже хвалил – говорит, летал бы и летал на ней с утра до вечера.

А теперь опять он оставляет свою Мэри, бывшую коллегу по фирме General Electric. Они поженились пятнадцать лет назад, и почти сразу появилось двое сыновей. В 1955 и 1956 году у них родились Дэвид и Рикки. Сбегая из Америки, пришлось их оставить ненадолго одних. Вот приехали, а теперь снова нужно перебираться на новое место. Не повезёшь ведь семью непонятно куда. Посмотреть нужно, что там с домом. Тот, который ему построили сейчас, Игорю Васильевичу очень нравился – да он был в него попросту влюблён! Один запах дерева чего стоил. А не спрятанные под обшивку брёвна в прихожей? Потрогаешь их рукой, и всё тепло они тебе стремятся отдать, лечат и тело, и душу. Хорошо. Пётр Миронович обещал, что в Павлодаре им построят почти такой же деревянный дом. Только этот – из сосны, а тот будет из корейского кедра. Должны начаться поставки брёвен из КНДР. А ещё будет их новый

теремок чуть больше – парни растут, и каждому отдельную комнату подавай. Старший вон на гитаре учится играть, и обязательно чтобы электро была. «Космос» новомодный пришлось купить. Громко учиться! Хоть из дома сбегай – что Игорь Васильевич и проделывает иногда, заруливая к соседу и сподвижнику, громиле Джину Минго. Соседний ведь у него терем. Так визги эти космические и там слышно. Хочет Дэвид осенью поступать в школу при музыкальном центре Марии Тишковой. Звездой мировой эстрады решил стать. Ну, пусть его. Не обязательно ведь дети должны по стопам родителей идти – вот его отец работал в сельскохозяйственном департаменте, был известен как селекционер. Он стал конструктором, а сыну почему бы и не покорить музыкальный Олимп? Тем более при таких учителях.

А ему самому пора остепеняться. Всё же не мальчик уже – пятьдесят два года, и что-то сердечко пару последних лет барахлит. Правда, сейчас после двух курсов реабилитации у этого угрюмого врача Кашпиоровского стало лучше, и забыл уже про всякие сердечные капли. Словно молодость вторая началась.

От этих мыслей Игоря Васильевича отвлёк посторонний звук. Его гиролайдер с новым роторным двигателем нервно рычал – а этот звук был басовитый, мощный. Конструктор взглянул чуть правее и увидел источник звука. Довольно низко над землёй летел самолёт. Какой-никакой, а всё ж конструктор. Потому самолёт он узнал. Это был старый советский самолёт Ил-28, по натовскому позывному «Бигль», с реактивными двигателями. Фронтовой бомбардировщик, носитель тактического ядерного оружия.

Всё дальнейшее произошло так быстро, что Бенсен и ойкнуть не успел. Разыскивая глазами источник звука, он выпустил из виду свой гиролайдер, а когда нашёл этот источник, то его нашёл и Джин Минго. Два летательных аппарата встретились в воздухе. Малютку разорвало на части, пилота отшвырнуло на приличное расстояние, но и для бомбардировщика столкновение не прошло без последствий. Скорее всего, он натолкнулся на гиролайдер кабиной, и пластик разорвало. Вряд ли уцелел и пилот – по крайней мере самолёт резко изменил курс, взяв гораздо южнее, и так же резко пошёл на снижение. Что там с самолётом произошло дальше – Игорь Васильевич не видел, он попытался отыскать глазами Джина. Нашёл! Пилот, кувыркаясь в воздухе, летел вниз. На открытом пространстве, спасибо селю, было видно, куда упадёт Минго. Когда сель остановился, то перекрыл речку Малая Алматинка небольшой запрудой. Она давно заполнила предложенный объём и переливалась через верх весёлым водопадом. Вот в это новое озерцо Джин через несколько секунд и плюхнется.

Не разбирая дороги, конструктор развалившегося гиролайдера бросился на помощь.

Событие первое

Интересно, если женщина – секс-бомба, и она беременна, можно ли считать, что ребёнок находится в бомбоубежище?

– Пап, Юрка заснул, сопит.

Пётр мотнул головой, отгоняя мысли о дезактивации. Чего там надо – яблоки есть и красное вино пить? В Казахстане ведь. И того, и другого в избытке, и не самые горькие из лекарств.

Мальчик и вправду пригнулся под боком у могучей тушки Артёма и заснул. Какая ему ядерная война! Играют старшие в прятки – и он, как большой, с ними. Или это они как маленькие? Прибежали, осмотрели овраг – правда ведь, как создан для временного укрытия на случай спуска на парашюте ядрёной бомбы. Та стенка, что в сторону города, практически вертикальная, даже обратный уклон имеет, пусть и в несколько градусов всего – а потом приличный пологий участок. И глубина немаленькая – метра два. Устроились. Артём с Геной притащили листы кровельного железа и прикрыли «партизан».

Сначала мешал сосредоточиться на яблоках и вине майор – всё вызывал по радиации пятого. Потом пятый, как маленький слоник, притопал и плюхнулся рядом. Попробовали и его укрыть железом, но уже не хватало на всех. Ну, все ведь военные, отлично понимают, что миллиметровая прослойка оцинкованного железа никак от радиации не спасёт. На сколько там – на процент уменьшит? Тут полуметровый слой свинца нужен. Вот крыли же раньше в Риме крыши свинцом. Или не в Риме? Одним словом, там, в прошлом, можно было в собственном доме взрыв бомбы пережить. А тут ползай в грязи! По дну оврага бежал малюсенький ручеёк. Пользы ноль, а вот грязи наделал, как целый Ганг.

Полежали минут двадцать.

– Миш, я без часов, что там по времени? – Пётр начинал уже закипать внутри.

– Вы две минуты назад спрашивали. Сейчас двадцать одна минута со времени «Ч», – и никаких эмоций.

– И чего не взрывается? Китайская, опять качество паршивое? – Пётр неудачно повернулся, и волна боли прокатилась по потревоженной ноге.

– Может, сбили? – предположил один из девятчиков.

– А ты, что стрельбу слышал? Да и некому сбивать. С этой передислокацией и созданием нового Военного Округа зенитчиков ближе к границе вчера двинули, – всё тем же спокойным голосом ответил подчинённому майор Миша.

– А давайте я на разведку схожу?! – высунулся «пятый», он же Толян.

– Лежим ещё десять минут, – пресёк его поползновения майор.

Пётр после яблок стал думать о жене. Лия была в Алма-Ате, встречалась с Фрейдлиной по подготовке к публикациям материалов по клиническому испытанию «Виагры».

Силденафил был изобретён там, в прошлом-будущем, случайно. Препарат был синтезирован в поиске средства для улучшения кровотока в миокарде, лечения стенокардии и ишемической болезни сердца. В ходе клинических испытаний в «лихих девяностых» (а были ли в Англии «лихие девяностые»?) было выявлено, что влияние его на сердечный кровоток минимально, однако он обладает выраженным влиянием на кровоток в области органов малого таза, в том числе способствует улучшению кровотока в... ну, в общем, вам по пояс будет.

Пётр украл у англичан. Тем более, что там куча народу передралась – все одновременно патент хотели получить. И есть ведь за что драться: ежегодно больше чем на миллиард долларов продаёт эти таблетки «Пфайзер», а максимум при начале продаж вообще два миллиарда составил. Теперь умоются. Уже подписан договор с ручным практически «Байером». За два

года вливаний в него денег и практически полный перевод немцами всех твёрдых препаратов на упаковку в пластмассовые баночки, производимые их с Биком компанией, удалось получить почти тридцать процентов привилегированных акций и двадцать пять процентов обыкновенных. Не контрольный пакет, но всё же. Теперь в немецком Леверкузене, где находится штаб-квартира фармацевтического гиганта вынуждены с Биком советоваться по любому почти чиху. Продажи должны были начаться со дня на день, а группа разработчиков во главе с Рахиль Хацкелевной готовит материал для статьи во все медицинские журналы. На следующий год немцы обещали подать заявку в Нобелевский комитет. СССР поддержит, Бик уверил, что и французов подтянет. Чем чёрт не шутит – может, и выгорит.

Оставалось надеяться, что в Алма-Ате паники не возникло, и все спокойно, медленным, даже степенным шагом, прошествовали в бомбоубе...

Твою ж, дивизию, да ведь они с Жуковым практически все бомбоубежища ликвидировали. Сейчас там детские клубы и секции, цеха ковровые, склады. Ни фиги себе напрогрессссорствовал! Довёл страну до ядерной войны и ликвидировал бомбоубежища. Чего-то заикалось. Не Георгий ли Константинович вспоминает?

Не дьяволом ли был послан Пётр в Мироныча?

Глава 5

Событие второе

В кафе:

– Извините, а какой здесь пароль от вай-фай?

– Это похороны!

– Похороны с маленькой или большой?

– Миша, не пора? – здоровая нога у Петра затекла – к ней приваливалась Таня и сначала плакала, потом шмыгала носом, но теперь вроде успокоилась. Тишков не хотел шевелением вновь ввергнуть ребёнка в слёзы.

– Нет, Пётр Миронович, опять прошло две минуты. Ещё восемь осталось.

– Уф. Консерватор ты, законсервировал нас тут как шпроты в железной банке. Пить хочется. Жарко тут под железом с вами, бугаями, обниматься. Молочка бы сейчас холодненького из холодильника.

– А хотите, я вам случай расскажу? Пару недель назад со мной произошёл. Про молоко. Ну, почти про молоко, – среди страшных бугаёв из Кей-Джи-Би был один казах. Для связи с местными начальниками, наверное, на понятном им языке. Звали носителя Хакназар. Ну, чтобы русские и не переиначили имени – такого допустить нельзя. Потому и не допустили: переименовали капитана в Хаку. Хака был весельчак и балагур. Вечно рассказывал всякие истории, и всегда делал себя главным героем. Если их все сложить, то получалось, что жизнь у Хакназара сказочная – в смысле, как в сказке: чем дальше, тем страшнее. Вечно еле выживал капитан. Вот и на этот раз...

– Никто не видел, как взрывается кумыс? Купил я пару недель назад три стеклянные бутылки. Жена бывает на разлив берёт у апы одной, но в стеклянных вкуснее. Но и опаснее. В самолётах до Москвы сам слышал, стюардессы слёзно просили выкинуть перед полётом, или выпить сразу. Даже если бутылку не взбалтывать, а просто пробку открыть, неправильно держа, только на стенках остаётся: все пеной выходит. Но не про самолёт будет рассказ.

Я в тот раз вечером оставил бутылку на кухонном столе. И, что интересно, прибрался ведь тоже, как мог, после гостей, все в холодильник попрятал – только одна бутылка кумыса из трёх, на утро оставленных, не уместилась. Не спал ещё, отчёт, будь он неладен, сочинял, и в два ночи как пи... бабахнуло! Простите, барышни. Подумал, что газ. Влетаю на кухню, а там... Все в битом стекле и скисшем кобыльем молоке. Минус оконное стекло, графин хрустальный чешский и две кофейных чашки, из вашего Краснотурьинска, Пётр Миронович, вдребезги, чистого места на кухне вообще нет, и вонища! Через час наведения порядка до меня дошло, что нашей кошки нет нигде. Убило, наверное – думаю – и умирать уползла. Всё обыскал – нет! Потом нашёл всё ж. Сидит тихо в тумбочке и дверцу, собака такая, лапой придерживает. Бомбоубежище нашла, скотина умная. Еле вытащил! Всеми лапами сопротивлялась, и хвостом даже. Вся в кумысе. Два раза с хозяйственным мылом мыл, под вой кошки и крики жены. Всё равно неделю кумысом пахла. А когда вылизывалась, то такие сердитые и осуждающие рожи корчила, что я от смеха давился.

Посмеялись. Вот ведь – конец света с минуты на минуту, а всех на хи-хи пробило. Никак успокоиться не могли.

– Миша, теперь-то пора на разведку? – первым успокоился Тишков.

– Сейчас глянем. Нет. Короткие у тебя, Хака, истории. Всего на пять минут.

– Так я ещё расскажу! – наверное, потёр довольно руки начинающий стендапер.

– Всё, мужики, хорош! – Петру это всё ужасно надоело. Лежат тут, в грязи, уже полчаса – ещё инфекцию какую подхватить не хватало, на ноге ведь куча дырок, только бинтиками прикрытых. Жалко ногу, ещё гангрена начнётся! – Миша, отправляй кого ни есть, пусть до телефона дойдёт.

– А если рванёт? Всё, всё, – услышав рык Тишкова, стал выбираться из кучи-малы, – сам схожу.

Встал, прикрыл всех снова аккуратно железными листами и попытался вскарабкаться по круче. Ага, сейчас! Глина сыпалась и не пущала. Потом послышались удаляющиеся чавкающие шаги по дну оврага. Вернулся майор через пять минут – запыхался, дышал тяжело.

– Пётр Миронович, там правительственный надывается и домашний, я не стал снимать, кодовое слово-то не знаю. Что сказать?

– Скажи: «Привет тебе, мартышка, от удава...»

– Это кодовая фраза? – поразились по ту сторону железа.

– Это шутка. Кодовое слово сегодня – «традесканция».

Утопал.

Интермеццо пятое

*В Одессе накрыли крупную партию анаши! Ну и правильно сделали,
а то дождь пойдёт, намокнет ещё!*

Грач обошёл всю Одессу в поисках попутчиков. Не срасталось. Серёгу Карасёва, с которым они ездили за анашой в прошлый раз, повязали буквально за день до того, за пристаивание в порту к иностранцам. Дали пятнадцать суток за мелкое хулиганство. Карась был лучшей кандидатурой – он не был наркоманом, так, что в случае чего, остался бы вменяемым. Однако часики тикают, время идёт. Ему ещё разгружать мешки с сахаром две недели.

Или чем там занимаются пятнадцатисуточники? А, слушают лекции о том, как космические корабли бороздят просторы вселенной.

Потопал он тогда к Чапаю. Погоняло это получил Васёк за свои имя и отчество – Василий Иванович. Работал Чапай на железной дороге, в рембригаде, и вечно от него креозотом несло – хоть мойся, хоть переодевайся. Всех девчонок отпугивал, так что Грач с ним на танцы никогда не ходил. Бывало, на рыбалку вот заруливали вместе, а так с училища знакомы, оба на каменщиков учились. Горбатиться на стройке Грач не захотел и после армии связался со шпаной, да и присел на пару лет, за кражу мотоцикла.

Чапай думу думал долго – весь обеденный перерыв, а потом отказался. Деньги, конечно, деньгами – и они вроде как лишними не бывают, но трусоват оказался храбрый комдив.

– Не, тёзка, не поеду. Тут с одной познакомился, да и мать хворает, – накуксился однокашник.

А тут и вправду мимо прошла такая цаца.

– Она! Васька, ты только посмотри, какая у неё тазобедренная композиция! Пока я буду с тобой кататься, уведут.

Пошёл Грач дальше. Были ещё кандидаты попутешествовать. Одного и нашёл на пирсе в порту. Крендель сидел на набережной и занимался своим любимым делом: ловил рыбу. В этом месте обычно разгружали пришедшие из Канады пароходы с зерном или кукурузой. Черпали огромными ковшом из трюма и пересыпали в вагоны. Часть зерна просыпалась в море, и там, на глубине, скапливалось множество рыбы, желающей откусать американской кукурузки. Вот одесситы и придумали такую снасть: длинная прочная леска заканчивалась трезубцем, но зубцы эти были загнуты вверх. Леска приматывалась к толстой палке. Не надо никакой наживки – ни червей, ни опарышей, ни даже сверчков. Простой опускай до дна и резко дёргай вверх палкой. Хоть и не каждый раз, но рыба снизу насаживалась на этот трезубец или якорь, как его называли сами рыбаки. Столько её там шастало полакомиться за счёт канадцев! Часть рыбы Крендель сдавал в ресторан «Якорь» – этим и жил в основном. Числился в том же «Якоре» грузчиком, а директором был его дальний родственник – отмазывал, за свежую рыбу для особых гостей ресторана. Так и жил, вот только в армии у узбеков перенял привычку косячок иногда выкуривать – а на травку денег надо.

Крендель, в отличие от Чапая, не думал и одной минуты.

– Погнали! Как раз отпуск возьму. Родич сам в отъезд собирается, а зам его – та ещё зануда, заставит машины с продуктами разгружать.

Договорились встретиться на вокзале перед отправлением поезда. Всучил Грач Кренделю картонку плакатную на поезд до Волгограда и с тоской на две оставшиеся посмотрел. Где людей брать? Ну, одно местечко можно проверить.

Толик Давикоза, что на зоне был с ним в одном отряде, сейчас работал сторожем в детском саду. Может, тоже отпуск возьмёт? Погоняло получил Толян ещё на малолетке, две уже ходки за плечами – и обе за хулиганку. Теперь никакой не Давикоза, а Казан. Казан нашёлся

дома – точнее, возле дома, сидел, с мужиками в домино рубился. На предложение зашибить деньгу в Казахии хмыкнул, сплюнул и мотнул давно не стриженной башкой.

– А чого, погнали.

И тут чуть его мамаша не испортила всё. Подслушивала про поездку с балкона – и начала, мол, сиди дома, нечего телепаться.

– Мама, не кричите. Весь двор соберёте! Мне-таки стыдно ходить с вами по одной Одессе!

Грач сунул Казану прямоугольник билета и отчалил, пока скандал не разгорелся.

Оставалось найти последнего попутчика. Прикидывал, голову ломал – и решил попытать счастья с Котом. Тот был точно нарик, но в то же время бывший спортсмен. Боксёр. Обрелся Кот возле магазина «Каштан» – ну это так «Берёзки» в УССР назывались, чего-то копеечное выкруживая. Там и сегодня оказался.

– Когда едем? – даже до конца не дослушав, ослабил железными зубами. Говорит, на соревнованиях выбили. Ага, на соревнованиях, кто из драчунов трезвее.

– Завтра до Волгограда поездом. Вот билет.

– Хавку брать?

– Понятно. А шо, грошей нема?

– Не хочу тобі расстраивать, но у меня все гарно.

– Не проспи. В восемь утра. Вот билет.

– Частушку знаешь про наш будущий труд?

– А ну!

– Я работал комбайнёром

На уборке анаши.

Не за водку, не за гроши,

Забесплатно, для души!

– Складно. Не проспи. И шкалик прихвати.

Интермеццо шестое

Милиционер стоит на улице и пытается прикурить. Подходит заика:

– А-а-а г-г-где з-з-здесь ш-ш-школа д-д-для з-з-заик?

Милиционер:

– А зачем тебе школа? Ты и так классно заикаешься!

Машина была непонятная. Чужая. Прямо веяло от неё этой чуждостью. Вячеслав Михайлович, пивший чай за небольшим столом под яблоней в маленьком садике, недовольно поморщился при раздавшемся стуке в калитку и, надев кепку, пошёл открывать – а там эта штука стоит, и чёрной краской с хромом сверкает.

– Вячеслав Михайлович, добрый день, – высокий плотный мужчина сделал попытку отдать честь, но одумался и протянул руку. Потом и от этого жеста смутился – всё же были в нём посеяны зерна воспитания или этикета: первым руку протягивает старший.

Молотов протянул руку и нажал, что есть силы – не потому, что хотел сделать больно этому здоровяку. Наоборот, показать, что он не дряхлая развалина, а ещё крепкий мужчина. Бывший военный легко выдержал этот натиск и вежливо улыбнулся. Силён, зараза.

– Ч... чем м... могу быть п... пол... лез... зен? – Молотов заикался всю жизнь, при волнении – сильнее. Это иногда бесило Сталина, но тот терпеливо ждал и Вячеслав Михайлович, успокоившись, говорил уже почти связно. Сейчас вот снова разволновался. Машина смутила. Таких не бывает! Даже там не бывает.

– Это «Вагран». АЗЛК по спецпроекту немного делает, – перехватив взгляд, пояснил здоровяк.

– См... мот... три т... ты! А чего не завод им... мени б... бывшего м... мен... ня? – Вячеслав Михайлович руку отнял и помассировал костяшки. Железная рука всё же у посланца.

– Принято решение, что в СССР такие мощные машины не нужны. Продали проект в США, там начали делать, – словоохотливо пояснил товарищ.

– См... мот... три, н... научил... лись! Теп... перь они у н... нас м... машин... ны покуп... пают?

– Вячеслав Михайлович, у меня письмо для вас от Первого Секретаря ЦК компартии Казахстана и члена Политбюро товарища Тишкова, – мужчина в слишком элегантном и дорогом даже для члена этого самого Политбюро костюме протянул Молотову обычный конверт, без всяких сургучных печатей, бечёвок и красных штемпелей.

– Д... давайте, – Молотов вообще старался говорить поменьше и пореже.

Он заикался и стеснялся этого.

Здоровяк протянул письмо, такое маленькое в его пятерне, опять дёрнулся рукой отдать честь, смущённо улыбнулся.

– Что т... тут?

– Это приглашение поработать. В Казахстане. Прочтите, я пока по улице прогуляюсь.

– Ч... чего это... П... прошу, – Молотов зашёл в калитку и оставил её открытой. Хотел повернуться и идти к столу, но взгляд сам снова зацепился за «Вагран». Больше всего поражали двери, точнее, дверь водителя. Она открывалась не вперёд и не назад, как на старых машинах, а вверх, да ещё и под углом. Сейчас смотрелась с одной открытой дверью, как птица с перебитым крылом.

Посланец чуть не налетел на остановившегося пенсионера. Хмыкнув и покачав головой, Молотов прошёл к столу, сделал глоток почти остывшего чая и, глянув на необычного посланца из необычной машины, решил проявить гостеприимство.

– П... полина, у н... нас гость. Расп... порядись чайку п... подать.

Жена, только выглянувшая из небольшого деревянного дома, дачи, что выделил Молотову Совет Министров в селе Жуковка, кивнула и зашла назад в дом.

Вячеслав Михайлович снял очки. В свои семьдесят девять лет он ещё отлично мог читать даже мелкий шрифт, а вот далеко видел плохо – всю жизнь носил очки от близорукости. Письмо было запечатано, он взял нож со стола и надрезал один край. Послание оказалось коротким. Этот самый непонятный Тишков сообщал, что товарищ Молотов восстановлен в партии с возвращением ему его партийного стажа полностью. Далее Вячеслава Михайловича приглашали поработать в ЦК компартии Казахстана секретарём. Возглавить комиссию по реабилитации граждан. Не указывалось, ни что это за граждане, ни за какие преступления они были осуждены. В конце напоминал Тишков, что в 1949 году входил Вячеслав Михайлович в Постоянную комиссию по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличённых в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории Советского Союза. Участвовал в организации процессов над немецкими и японскими военными преступниками. Значит, имеет бесценный опыт, который сейчас очень востребован. Не забыл Тишков и про ещё одну строку из биографии пенсионера. В 1955 году Молотов был назначен председателем комиссии по пересмотру открытых процессов и закрытого суда над военачальниками. Этим письмо практически и заканчивалось. Тишков обещал по его выбору предоставить или хорошую квартиру в Алма-Ате, или дом в пригороде с яблоневым садом.

Вячеслав Михайлович отложил письмо и промокнул платком набежавшую слезинку. Дождлся! Всё-таки дождался! Чуть не десять лет. В середине ноября 1961 года Молотов был отозван из Вены, снят с занимаемой должности руководителя советским представительством при штаб-квартире агентства ООН по атомной энергии (МАГАТЭ) и исключён из партии. 12 сентября 1963 года его отправили на пенсию. Почти десять лет он всё писал письма – сначала Хрущёву, а потом Брежневу – с просьбой восстановить его в партии. Работу не просил – смирился, да и почти восемьдесят лет всё же. А тут вспомнили! И партбилет вернули, и работу предлагают. Конечно, Алма-Ата – это не Москва. Не тот ЦК. Но даже и раздумывать не надо! Надо ехать. Вот только Полина чуть хворает последнее время – и с дочкой что? Нет. Надо ехать обязательно.

– К... как вас зовут?

– Ох, извините, Вячеслав Михайлович. Я – Пётр Оберин. Шофёр Петра Мироновича, – мужчина, стоящий у стола, опять поймал себя за руку, которая потянулась к виску.

– Ты, П... петя, п... передай товарищу Тишкову, что я с... соглас... сен. Что н... нужно д... делать? – Молотов вновь нацепил на переносицу небольшие старенькие очки.

– Да ничего не нужно, – пожал Оберин плечами.

– Ну, б... билет... ты на сам... молёт?

– Не нужны билеты никакие, у Петра Мироновича свой самолёт. Вы скажите, когда будете готовы, и он пришлёт его за вами.

– Н... неожиданн... нно, – сильнее стал заикаться Молотов. – Св... ой сам... м... молёт?

– А вы не знаете, кто такой Тишков? – сочувственно улыбнулся бывший военный.

– Министр к... культуры...

– Ну, да. Отстали вы от жизни, Вячеслав Михайлович.

– П... потом м... министр сельск... кого хоз... зяйства.

– И это тоже.

– А с... сам... молёт?

– Есть у Петра Мироновича деньги – вот и купил. «Боинг-747» сначала, но потом подарил его КБ Ильюшина, а сейчас купил «Боинг-727».

– Странн... ные вещи ты, П... петя, рас... рассказываешь.

– Ну, у вас ещё всё впереди! Свяжетесь с товарищем Тишковым – ещё и не такого насмотритесь.

Старушка, одетая в строгое чёрное платье, в это время принесла стакан чая в мельхиоровом подстаканнике. Бедно живёт бывший всеильный министр. Да вся Сталинская гвардия такая – всё для страны, ничего для себя. А страна вон как с ними.

– П... полина, мы едем в Алм... ма-Ату. И м... м...меня восстан... новил... ли в п... партии...

Глава 6

Событие третье

*Занятия на военной кафедре. Майор обращается к студентам:
– Диктую задачу: Самолёт налетал за сутки 100 часов. Не, чего
это я, сто – дофига. Пусть будет пятьдесят.*

Миша утопал, солдатики ещё пару минут попереговаривались ни о чём и смолкли. Птички распуганные вернулись и чирикали чего-то чуть выше по склону. Не верилось ни в какую бомбу. Не было в той реальности – и в этой не должно быть. Лежал Тишков на боку и пытался вспомнить, что знает об атомных бомбах в КНР. Получалось, что ничего. Там, в будущем, были какие-то потуги со стороны Путина договориться с США, те согласны были только при учёте китайских бомб – а их крохи, с сотню. Это по сравнению с тысячами у СССР и США. А сейчас? Десяток? Если самолётов было семнадцать, то семнадцать бомб? Ерунда какая. И почему Алма-Ата? У них есть ближе Владивосток и Хабаровск. Примерно на таком же расстоянии – Иркутск. А Новосибирск с Красноярском? Стоп. Вона чё! Там, между нами, Монголия! Там ракет понапихано. То есть, на самом деле, в пределах досягаемости их самолётов три больших города. Владивосток, Хабаровск и Алма-Ата. Ну, Пётр бы выбрал Алма-Ату – те два города явно лучше охраняются. Там войска стоят, там аэродромы с самолётами, а тут – мягкое подбрюшье, атаки на которое никто не ждёт.

Ну, допустим. Но семнадцать самолётов? Часть, скорее всего, с обычными бомбами. Тоже ничего хорошего, если пару тонн бомб сбросить на довольно деревянный город среди летнего зноя. Долго полахать будет. Тьфу, тьфу!

Прервал поток плохих предчувствий майор.

– Пётр Миронович, отбой! Самолёт в Большое Алма-атинское озеро упал. Туда сейчас военные выдвигаются. Людей из убежищ не выводят пока, страхуются – вдруг ещё взорвётся. Вы что делать будете? – Миша прыгнул вниз.

Как там его фамилия? Называл же, а то всё Миша, да майор. Ага! Лебедев. Как будет? Товарищ Лебедев, майор Лебедев. Хрень будет.

– Миша, давай всех домой. И мне машину – поеду в ЦК. Нужно разобраться, что происходит. Ты с кем разговаривал?

– С Титовым, вторым секретарём, он на Комсомольской, – КГБшники сбросили листы и стали поднимать девочек из оврага. Потом аккуратно подняли не проснувшегося Юру и устали на Петра.

Нда. Проблема! Это сюда его передали, хоть чуть и не уронили. А вот вверх? Овраг в этом, специально выбранном, самом глубоком месте, метра два. Поднять-то его поднимут, а вот принять? Обрушится навес, и кирдык ноге.

– Майор, стоп! Ага, а ты как выбрался? – но, уже взглянув, понял, что не лучший выход: весь коричневый от свежей сырой глины.

– Там метрах в трёхстах есть чуть боле пологий склон, извозимся все.

Пётр заржал – накатило. Только что с жизнью прощались, атомную бомбу на голову ждали – а теперь за грязные джинсы с одной штаниной переживают. «Девятчоники» ошарашенно на него посмотрели и вежливо улыбнулись – не поняли. Первым дошло до Хакназара.

– Извозимся! А глина-то не радиоактивная? Рассказать вам случай, что со мной произошёл, когда я в армии служил? Пока дойдём до спуска с радиоактивной глиной, как раз расскажу.

– Давай, мели, балагур.

– Чего «мели»! Правда всё. Мамой клянусь. Я ведь на точке служил. Не будем уточнять, где. Хотя это было... – Хака взглянул на сдвинувшего брови Лебедева. – Всё, всё. Замнём для ясности. Там у нас в ша... В общем, ракеты стояли. Где-то году на третьем нас уже допускали к пультам, дежурить, пока офицеры чаёк из рюмок попивали. И был в моём отделении старший сержант Заруба, хохол. Всё свободное и несвободное время спал. Вот заснул он как-то раз за пультом, а тут весёленький капитан заходит, под приличной такой мухой. Увидел спящего хохла, и мне кулак показывает – типа, нишкни. Хлопает по плечу Зарубу этого. Тот вскакивает и начинает доклад:

– Товарищу капитан, за время моего дежурства никаких происшествий...

– Как это никаких? А кто, мать твою, ракету запустил? Ты на пульт облокотился? Где Бельгия, мать твою? Нет теперь Бельгии. Два наряда вне очереди.

Заруба глазами моргает.

– Не слышу ответ! – капитан орёт.

– Есть два наряда. Товарищу капитан, а не дюже много за Бельгию? Вона ж малесенька... Долго смеялись, всех отпустило после ожидания смерти.

Вытаскивали волоком, придерживая на весу ногу. Все принимавшие участие в этом аттракционе под названием «большое ползание в грязи» извозились как черти. Китайцы проклятые, ничего путём сделать не могут! Даже самолёт с бомбой и то бракованный послали.

А вот интересно, а чего сейчас делают пиндосы? Ха, пиндосы! А что сейчас Гречко делает? Не иначе, запулил по соседям неадекватное количество ракет с ядерными боеголовками, и пока они тут парились под железными листами, китайцы там просто парились – тьфу, испарялись.

– Миша, давай бегом домой. Что-то беспокойно на душе.

Интермеццо седьмое

- Граждане, расходимся! Что, утопленника не видели?..
- Так это Федька!
- Стоять! А были у вашего Федьки особые приметы?
- Конечно. Он заикался.

Игорь Васильевич Бенсен плавать умел. В их городке был летний бассейн, и родители отвели туда семилетнего мальчика. Олимпийским чемпионом не стал, но что брассом, что баттерфляем, сумел достичь достаточного уровня, чтобы отобраться на первенство Бельгии. Дальше не пошло – да, если честно, у мальчика особого рвения и не было. Гораздо интереснее в гараже у отца разбирать и пытаться восстановить старый скутер.

И не просто скутер, а настоящее сокровище, как позднее понял Бенсен. Это был оригинальный американский Autored 1916 года. Один из первых. Тот самый скутер, который и дал названию классу машин – «скутер». Заклинил поршень у раритета – ну, и ещё куча всего. Агрегат был ровесником Игоря, и у отца оказался случайно – отдал сосед, так как не мог вернуть долг в сотню франков. Потом уже, переехав в Америку, Игорь Васильевич по объявлениям в газетах долго разыскивал такой же. Нашёл, и даже усовершенствовал. Присобачил к переднему колесу более мощный, и в то же время совсем маленький двигатель. Не стоит прогресс на месте. Получился на самом деле мотосамокат – такой, какой и планировали, выпуская Autored. Потом ещё и оригинальный нашёл в рабочем состоянии – почти не ездили на дедушке, пылился в гараже десятилетиями. Заменял шины и проводку, перебрал двигатель, покрасил – и получил ту самую детскую мечту. Сейчас в СССР его привезли, и переделку с маленьким моторчиком – тоже. Память. Мечта. Нашлось место в контейнерах с вещами для мечты.

Так вот, плавать Игорь Васильевич умел. Он видел, как согнутое чуть не вдвое тело его чернокожего помощника бухнулось в воду, подняв кучу брызг. Далековато от берега – ну, может, и хорошо, там глубже. Все же бывший футболист сейчас, наверное, мировой рекорд установил по прыжкам в воду. Футов семьсот? Метров двести. Бежать было пару минут, и Бенсен боялся не успеть – сколько там человек может без воздуха обходиться?

Уже приближаясь, увидел Джина: он плавал метрах в двадцати от берега. Вернее, не сам Минго, а рюкзак с парашютом, что был закреплён на спине. Там, видно, был воздух, который и не давал всей конструкции из негра и парашюта утонуть. Добежал и с разгона бросился в воду. Как там ругается мистер Тишков? «Мать вашу, родину нашу»! Вода просто ледяная. Градуса четыре. Горная, от таяния снега. Дыхание перехватило, ноги перестали слушаться, но Игорь Васильевич плюнул на них и заработал руками. Доплыл – и, ухватив Джина за лямку парашюта, потянул к берегу. Весь заплыв даже и не запомнил: вот он врзается с разбегу в воду, а вот уже пытается вытянуть этого гиганта из воды.

Вытянул. Выволок. Перекатил. Расстегнул комбинезон. Минго никак на все эти потуги не реагировал, а ещё всё лицо у него было в крови. Игорь Васильевич попытался найти рану, но нет – ничего не обнаружил. Откуда же тогда кровь? Ладно, раз раны нет, то с кровью потом. Сейчас дыхание. В секции по плаванию в Бельгии их много раз учили делать искусственную вентиляцию лёгких, и вообще приводить в себя утонувших.

Конструктор перевернул Джина на живот и стал поднимать его за ремень. Вода должна вытечь из носоглотки. Потом с трудом – сам начинал окоченевать от купания в ледяной воде – перевернул помощника и стал вдвухать в него воздух, поочерёдно ударяя руками в грудь. Тренер советовал быть аккуратным, а то ещё рёбра сломаешь. Ага, этому монстру сломаешь! Раньше сам рук лишишь. Где-то на втором десятке повторений Джина вывернуло водой, он

закашлялся и задышал с хрипами и стонами, но в сознание не пришёл. Вернее, на секунду глаза открыл, но тут же они у него закатились, и голова обвисла.

Надо было дотащить Минго до машины и как можно быстрее отвезти в больницу. Кровь с лица Игорь Васильевич бывшему футболисту обмыл, но ведь она откуда-то взялась.

Ох, блин, ну и тушку отъел его помощник. Тут поневоле вспомнишь их соседа, того, что вернул вместо сотни франков сломанный скутер. Тоже Джин, между прочим. Ну, это его так окружающие звали – какой-нибудь Дженнаро или Джеронимо. Итальянец ведь. Любимым ругательством пьянчужки было *Pezzo di merda* – кусок дерьма. Вот Минго был здоровенным пеццо. Просто бесконечно здоровенным пеццо. Игорь Васильевич попытался взвалить его на плечи, и не получилось из этого ни черта. Даже приподнять тушку как следует от земли не смог. Пришлось ухватить под мышки и тащить волоком. Тоже так себе удовольствие. Какая-то сволочь, не иначе тот самый бельгийский итальянец Джеронимо, набросал на пути здоровущих скользких камней. *Figlio di puttana* – сукин сын. Раз тридцать за эти двести метров конструктор спотыкался и падал, а сверху на него – тушка негра. Пока из-под неё выкарабкаешься, пока снова эту пеццо ухватишь под мышки – уже и снова падать пора.

Доташил. Вопреки русскому выражению, что своя ноша не тянет. И столкнулся с очередной проблемой: ему не поднять было более чем стокилограммовое тело помощника в кабину. Пришлось затаскивать лебёдкой в кузов. Счастье ведь, что именно такая у них машина! Взвалил, кое-как закрепил безвольное, но дышавшее тело в кузове лямками от гироконтера и схватился за баранку. Дороги, к счастью, почти пустые, и город как вымер – а ещё над всем городом вой воздушной тревоги. Это что, из-за того самолёта, что врезался в Джина?

И тут перед взором конструктора явственно высветился хвост этого проклятого самолёта. Там были красные звёзды. Ну да, СССР же, а не США – звёзды не белые, а красные. Дак вот, от звёзд шли красные же полосы. Вот тебе и «пеццо ди мерда»! Китай! Джин сбил китайский фронтовой бомбардировщик в десятке километров от столицы Казахстана. Так это что, война?!

Ну, где больница, Игорь Васильевич знал – не раз там Джина навещал. Туда и погнал по пустынным улицам. Только бы там кто-то был.

Событие четвёртое

С ветеринарных форумов

Осматривал кота по имени Кастрюлька. На вопрос, почему, ответили – так кастрированный ведь...

Саш во дворе было много. Но только один Саня с фамилией Узлов. Так вот... Даже его папка знал, что все называют его САНУЗЕЛ!

Алма-Ата была пустынной. Всё же за этот час милиции и прочим военизированным структурам удалось согнать практически весь народ в бывшие бомбоубежища. Это внутри все полки с хранящимися противогАЗами снесли, а стены и двери никто ведь не трогал. У въезда в центр города первых людей встретили, стояла пожарная машина. Рядом и милицкий УАЗик торчал. Нда, а если и правда бомба прилетела бы? Смертников оставили? Или это добровольцы? Ну, в любом случае, потом нужно будет эти «учения» разобрать по косточкам и принять решение о награждении и порицании. И порицания начать, блин с Тишкова! Разрушил систему гражданской обороны. Вот Жуков Георгий Константинович сейчас рычать начнёт! А позже Чуйков ещё попинает лежащего. Так-то за время совместной поездки в Тайвань почти притёрлись друг к другу, но бурчал маршал, как раз вот про это намекая.

Вот и конец послезнаниям. Теперь «сама, всё сама». В реальной истории Косыгин через пару месяцев полетит на похороны Хо Ши Мина, которого на самом деле зовут Нгуен Шинь Кунг. Вот, интересно, что в СССР, что в Китае, что в Корее, что во Вьетнаме все революционеры имена и фамилии себе меняют. Почему – своих стесняются? Яркие нужны?! Сталин. Молотов. Ленин. Хо Ши Мин? Переводится как «Хо Просветитель». Принёс людям веру и знания про новое светлое будущее.

На обратной дороге, пролетая над Китаем, договорится Алексей Николаевич о встрече с их премьером Чжоу Энляем. Русские фактически отдадут китайцем Даманский, хоть на всех картах и в сознании народа он ещё пятьдесят лет будет числиться за страной. «Мы там навалили китаёзам!» А китайцы знают и верят, что это они «бурым медведям» навалили. Ну и Чжэньбао дао – дословно «Драгоценный остров» на реке Уссури – сейчас их. Конфликты почти прекратятся после визита Алексея Николаевича, а потом Китай начнёт тихой сапой поглощать Приморье. На Даманском, кстати, стоит китайская деревня небольшая, и пограничный пункт с музеем, посвящённым тому, как «мы их побили».

Ну, не всё так печально. Ещё побарахтаться можно в кувшине с молоком. Зря Политбюро не разрешило американцам порезвиться. Политика! Соцстрана. И не расскажешь ведь, чем этот социализм закончился.

Пока самокопался – доехали до ЦК. Там тоже смертников немало. Рулит Титов. Очки дымчатые где-то посеял – ходит, зыркает на всех лиловым, то есть, стеклянным глазом.

- Виталий Николаевич! – нёсся куда-то мимо, на появившегося Петра не глядя.
- Сейчас! – и дальше побежал.
- Что происходит опять? – обратился Тишков к стоящему у входа милиционеру.
- Отбой воздушной тревоги. Сбили самолёт. Затонул в Большом озере.

Ну, про самолёт Пётр уже слышал – но хотелось бы подробностей. Спросил. Нет, подробностей майор тоже не знает.

Пришлось ждать, когда вернётся второй секретарь ЦК.

– Всё, Пётр Миронович, отменил тревогу, – только Титов, появившийся на лестнице, это сказал, как раздражающий вой затих – словно ушную перепонку сверлить перестали и ваты туда напихали.

– Ух ты, хорошо-то как! – Тишков даже палец в ухо засунул, проверил, нет ли ваты в самом деле.

– Пётр Миронович, вам бы в больницу. Нога вся в грязи. Как бы заражение не пошло. Сам видел, и знал, что срочно на перевязку надо – но новости чуть важнее.

– Что известно? Коротко. На самом деле надо на перевязку, – глина прямо ошмётками отваливается.

– Самолёт вдруг резко поменял курс и упал в Большое Алма-Атинское озеро. Сейчас туда уже едут военные и КГБ.

– Точные сведения? – ничего нового.

– Да, звонил член ЦК Шафик Чокинович Чокин. Он лично видел падение самолёта.

– Так! Давайте вот что. Не будем с народом в прятки играть. Не надо объявлять, что это была учебная тревога. Люди ведь всё равно узнают, и мы врунами и дураками будем выглядеть.

– Но...

– Я понимаю, что людей нужно успокоить, а не панику сеять. Я сейчас позвоню в Москву, а вы сюда всех журналистов и партторгов крупных предприятий организуйте. Была атака китайцев. Все самолёты сбили – и впредь все собьём. И пограничники все атаки отбили. Войны нет. Проверяют нас на прочность «соседи». Но... «Броня крепка и танки наши быстры». Вот так и надо говорить. И давайте-ка мы завтра выходной день объявим – пусть народ его спокойно в семье проведёт. Всё, я пошёл в Москву звонить. Пять минут меня не дёргать. Буду с большими боссами разговаривать.

– А чего они босые? – влез майор.

– А ты не знал, что при радиации надо босиком ходить, тогда она вся в землю перетечёт? – с самым серьёзным лицом. Зачем? Ну, надо же и голову разрядить.

– Не, знал. А что на занятиях такого не говорят? – милиционер посмотрел на сапоги.

– Шутка. Всё никого в кабинет не пускать.

Глава 7

Интермеццо восьмое

*– Знаешь, психиатр сказал, что у меня раздвоение личности.
– Да брось! У тебя и на одну-то личность еле ума хватает.*

Они сидели в кабинете Шелепина втроём. Кроме хозяина были Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин и Председатель КГБ СССР Цинев Георгий Карпович. Был вечер, и в окна кабинета, как раз на запад и ориентированного, виднелось большое красноватое солнце в каких-то малиновых облаках, опускающееся за горизонт.

– Красный закат. К ветру, – устало выдохнул Косыгин.

С этим проклятым Китаем уже сутки не спали все. Никто не знал, что там. Поступали самые разноречивые сведения из десятков источников, и каким верить, было непонятно. Все источники сходились только в одном: Мао в живых нет. Его взорвали в собственной резиденции. А вот дальше... Кто-то говорил, что власть перешла к официальному наследнику – Маршалу КНР, министру обороны Китая, правой руке Мао Цзэдуна Линь Бяо, также занимавшему должность Первого заместителя председателя Коммунистической партии Китая. Тайвань это опровергал: их радио и телевидение утверждало, что военный переворот потерпел неудачу, и у руля встал премьер-министр «Материка» Чжоу Эньлай.

Американцы, вернее, «Голос Америки», вообще утверждали, что при этом непонятном взрыве погибли все высшие должностные лица Китая. Звонок Громыко в Албанию, к самым близким друзьям Китая тоже ничего не дал. Там верили Тайваню.

– Георгий Карпович, – Шелепин открыл блокнот и взял ручку, – вы ведь подготовили справку на возможных преемников? Что там по маршалу?

– Давайте будем говорить о «группировке Линь Бяо». Это высокопоставленные военачальники – начальник Генерального штаба НОАК Хуан Юншэн, командующий ВВС НОАК У Фасянь, политкомиссар ВМС НОАК Ли Цзопэн, начальник логистического управления НОАК Цю Хуэйцзо и политкомиссар ВВС Нанкинского военного округа Цзян Тэнцзяо.

У нас есть основание считать, что переворот готовили они. Есть кое-какие материалы, подтверждающие это. План по организации путча получил название «Проект 571» – на китайском языке это созвучно словам «вооружённое восстание». Заговорщики рассматривали несколько вариантов ликвидации «Великого Кормчего». В одном предполагалось окружить его резиденцию, в другом – использовать ядовитый газ, в третьем – бомбы. В конце концов, по нашим данным из источников близким к заговорщикам, они остановились на взрыве поезда Мао Цзэдуна. Сын министра, Линь Лиго, руководитель оперативного отдела командования ВВС НОАК, должен был стать организатором и привлечь к делу преданных маршалу офицеров. Раз взрыв был, то будем считать, что «Проект 571» осуществлён.

– Ну, другой информации пока нет. Что-то у меня в голове про этого Линь Бяо крутится, а вспомнить не могу, – Шелепин посмотрел на Косыгина. Тот отрицательно крутнул головой. Оба перевели взгляд на Цинева.

– Полно по этому персонажу историй. Рассказать занятную? Не чтобы посмеяться, а для того, чтобы понять, что за человек и вообще понять китайцев, – председатель Комитета достал из папки листок и, положив перед собой, глянул, а потом усмехнулся и, вернув на место, проговорил с улыбкой на губах: – Лучше своими словами. Песня, а не справка. Как вы знаете, наверное, кроме московского был ещё и Парад Победы в Харбине 16 сентября 1945 года.

В августе 45-го, с очевидным разгромом Японии, 8-я Народно-Освободительная армия Китая выступила из Шаньси и начала активно занимать освобождающиеся от японцев территории, местами выбивая оставшиеся гарнизоны в небольших городах. В авангарде 8-й армии наступал пехотный корпус под командованием генерала Линь Бяо.

Дошли почти до Харбина китайские вояки. Ключевое слово – «почти». Линь Бяо со своими солдатами захотел принять участие в советском параде, тем более, они имели на это полное право. Только вот проблема – корпус находился в провинции Жэхэ, до Харбина около 600 километров. Это десять с лихвой дневных переходов, а парад – через три дня, времени практически не осталось. Перебросить корпус по железной дороге или автомобильным транспортом невозможно: ни того, ни другого попросту нет. Китайцам досталась гора брошенного японцами оружия и снаряжения, всевозможные припасы – но только не транспорт. Автомобили, паровозы и вагоны японцы забрали все без остатка – на них и бежали, мосты при отступлении взрывали, железные дороги тоже. Естественно, сам Линь Бяо мог бы сесть в свой личный трофейный японский автомобиль, или попросить у русских самолёт, прибыть в Харбин, встать на трибуну и поприсутствовать на параде. Но это его, понятное дело, не устраивало.

Нашел генерал решение, огласил приказ по корпусу: срочно готовимся к форсированному маршу. Все снаряжение бросить, с собой взять только винтовки. Приготовить запасы еды на трёхдневный переход, наварить риса. И главное, говорит, все до единого делаем носилки, из расчёта одна штука на каждого трёх солдат или офицеров корпуса! Понятно, что брезента для носилок не было, с бамбуком тоже проблемы, пришлось делать из подручных материалов: одежды, рубашек, шинелей, веток, что подвернётся под руку. Тем не менее, сделали столько, сколько нужно.

Сделали и побежали. Корпус генерала Линь Бяо в полном составе бегом устремился к Харбину. Выглядело это так: двое китайцев несут на носилках третьего, он отдыхает. Каждые четыре часа люди меняются. Никаких привалов и ночлегов, бежали без остановки, днём и ночью. Ели и спали исключительно на носилках, по очереди. По горным тропам, по просёлочным дорогам, разбитым войной, по лесам. Бежали три дня, и успели!

Парад уже заканчивался – прошагала пехота, пролетели над трибуной самолёты, вышли замыкающие колонны танков и самоходок, оркестр собирался заиграть прощальный марш, и вдруг вслед за танками появились бегущие китайцы с носилками. Вид был жуткий: усталые, тощие, запylённые, многие в тапочках, а то и босиком. Но – радости полные штаны. Впереди ехал их командир. Генерал Линь Бяо поднялся на трибуну и доложил советским военачальникам о прибытии вверенного ему корпуса для участия в параде, после чего они вместе приветствовали проходящих мимо китайских солдат.

Как вам история?

– Нда. Тяжко придётся, если до войны дойдёт. Упёртый товарищ, упёртый народ. Хорошая история – а что по самому фигуранту? – Косыгин опять с тоской бросил взгляд на прячущееся красное солнце.

– Тут такое дело. В последнее время... Нет. Не знаю, как начать. Давайте я с конца начну. «Проект 571» – это скорее детище сына маршала. Линь Бяо же задумал намного более сложный план, получивший название «Гора нефритовой башни». Этот план требовал тайной помощи Советского Союза, который должен был имитировать нападение на Китай. Линь Бяо в этом случае немедленно объявил бы военное положение, взял Великого кормчего и Чжоу Эньлая под усиленную охрану, а позже покался перед страной в том, что не сумел уберечь их от смерти...

– Сюрприз. Я надеюсь, вы этот план не собирались осуществлять? – подскочил Шелепин.

– Да, Георгий Карпович, это, по-моему, перебор. Даже не так – это выходит за любые рамки!

– Операцией занимался генерал Захаров, он сейчас в Монголии. Есть плюсы и минусы. В активную фазу операция не вступала, с Линь Бяо прямых контактов не было. Но, согласитесь, иметь вместо агрессивно настроенного Мао Цзэдуна друга в лице красного маршала – не самый плохой вариант.

– Мао тоже лучшим другом был – и атомную бомбу от нас получил, и самолёты, и ракеты... И чего теперь? Всё в нашу сторону и полетело. Хорошо, что кончилось пшиком, – так и не сел на своё место «Железный Шурик».

– Да и не закончилось ещё ничего. Сколько ещё удастся сдерживать американцев? Пиндосов, как их один тоже вполне себе резкий товарищ называет, – Косыгин тоже встал, прошёлся до двери. – Валера, чайку нам сделай погорячее и покрепче, – вернулся. – Георгий Карпович, а ведь, если память не изменяет, маршал жил в СССР?

– Так точно. Был в его нескучной биографии и такой эпизод. Печальный.

– Почему? – Шелепин наконец взгромоздился на стул.

– Когда в июле 1937 года Япония напала на Китай, Линь Бяо стал командиром 115-й дивизии. Сражаясь с японцами, войска под руководством Линь Бяо одержали ряд довольно крупных побед. В начале 1939-го, после тяжёлого ранения, генерал Линь Бяо уехал в СССР на лечение. В Советском Союзе Линь Бяо был к тому же представителем КПК в Коминтерне, прошёл тамошнюю школу. В Китай вернулся только в 42-м, и почти сразу стал секретарём Северо-Восточного бюро, а через три года был избран в ЦК Компартии Китая. Вот только в СССР с женой развёлся. Вторая жена красного маршала – Чжан Мэй. Они поженились в 1937 году в Яньани, развелись в 1942 году в СССР.

– Почему, и где она сейчас эта Чжан Мэй? – вскинулся Шелепин.

– Из СССР они уехали вместе, здесь у них родилась дочь. Известно только имя – Линь Сяолин.

– Нда, не густо. А что вообще за человек? Он вообще вменяем? – Шелепин опять вскочил. Циневу так и хотелось спросить: «А вы»? Не спросил. Ответил.

– В последнее время у маршала появились проблемы со здоровьем на нервной почве. По американским данным, опубликованным в этом году, Линь Бяо страдает «бессонницей, приступами беспокойства... несколько раз посылал в Гонконг за специальными лекарствами от психосоматических кишечных расстройств».

– Ну ничего себе – замена Мао. Одного больного на второго.

– Нда, Георгий Карпович, – потерял свой большой нос Косыгин. – А что с премьером?

Событие пятое

*– Почему у Аладдина джинн появлялся из лампы, а наш Хоттабыч
– из бутылки?
– А ты бы на его месте что выбрал – водку или керосин?*

Квартиры в Алма-Ате у Николая Григорьевича Лященко ещё не было. В центре города на тихой улице имени Тулебаева только строился двухэтажный дом для руководителей области. Там и первому командующему нового Среднеазиатского военного округа со штабом в Алма-Ате должны были выделить жильё. Пока же генерал армии Лященко, до этого командовавший Туркестанским военным округом (ТуркВО), с семьёй временно жил в военном санатории «Алма-Атинский», недалеко от высокогорного катка «Медео».

Утром он выпил стакан чая с мятой. Завтрак, приготовленный женой Клавдией Михайловной, отодвинул – болел зуб. Не так, чтоб прямо хоть на стену лезь – нет, чуть ныл там, во рту, и выдавал порции боли на горячее с холодным и сладкое. Нужно было идти к стоматологу, но, как всякий боевой генерал, зубных врачей с их жужжащими бормашинами Николай Григорьевич боялся. Вот схватил ложку каши гречневой, а она горячая! Зуб сказал: «утю-тю!», и почти маршал кашу отодвинул. Обойдётся сегодня без завтрака.

И вовремя. Дальнейшие события понеслись с такой скоростью – не то, что о каше, о зубе-то забыл. Опомнился генерал Лященко чрез два с половиной или три часа на берегу Большого Алма-атинского озера. Вышел из машины и по инерции уже поспешил к группе военных, отдавать команды. И тут вдруг сердце кольнуло, сдавило грудь, он задом сдал до машины и аккуратно сел.

– Сеня, там портфель сзади, – он чуть мотнул головой в сторону заднего сиденья, – достань стекляшку с валидолом.

– Сердце? – старшина поспешил достать портфель и, пошарив в кармашке, нашёл пузырёк с лекарством. Протянул командующему. – Отдохнуть вам надо.

– Ну да, палатку вот тут, на бережку, разбить, возле атомной бомбы.

Отдыхал Лященко уже несколько лет не на морях всяких, а на озере. Предпочитал генерал проводить отпуск в посёлке Тамга на озере Иссык-Куль, на территории военного санатория, где у него был небольшой домик. Собирался и в этом году, но тут ТуркВО из-за агрессивных поползновений Китая разделили на два, и его поставили командовать вот этим новым. Нужно с нуля целый округ создавать, китайцы прут – почти война, не до отдыха.

Машину с командующим спорящие у берега генералы заметили и, мысленно, наверное, перекрестившись, стали подходить. Чего уж говорить, виноваты! Даже не то слово. Ведь за малым не случился ядерный взрыв, по лезвию прошло. Чудаковатый конструктор-американец и негр спасли Алма-Ату. А целый военный округ проспал. Толку-то, что сбили шестнадцать самолётов! Одного ведь вполне хватит. Таблетка ещё не подействовала, холодила нёбо, но сидячее положение и вид понуро идущих к нему на казнь генералов как-то незаметно боль ослабили.

И тут выскочил, как чёртик из табакерки, старшина-водитель.

– Медика надо! Сердце! Плохо Николаю Григорьевичу.

Вжик – и всё, нет больше подкрадывающихся к нему генералов. Побежали эскулапа искать.

– Сеня, я тебя просил? – улыбнулся виду бегущих генералов командующий.

– Да! Вы загнётесь, тащ генерал – кого я тогда возить буду? – ухмыльнулся старшина.

– Ладно, спасибо.

Может, и хорошо – остынет пока. Распекать ведь начал бы. Однозначно ведь, сделали, что могли. Как раз случай вспомнился, что разбирали в генштабе пару лет назад. В конце 1967 года, месяц не запомнился – октябрь, вроде – с аэродрома Кюрдамир Бакинского округа ПВО подняли пару самолётов на перехват двух иранских истребителей, нарушивших воздушное пространство СССР. Ведущий после указания с земли пустил РС-2УС, однако бортовая РЛС восприняла две близко летевшие цели как одну, и ракета прошла между самолётами, не поразив ни один из них. Лётчик или наводчик виноваты? Скорее всего, и тут что-то подобное, а что на подступах к столице Казахстана не было зенитчиков – так тоже, кто виноват? Сам отдал приказ о передислокации. Всегда хотим, как лучше. Пока рассуждал так командующий, и боль в середине груди прошла, и злость улеглась, и пришло время самому отвечать. Одновременно подъехали две машины – с Тишковым и с доктором.

Врач прослушал сердце, дал капельку нитроглицерина и, махнув рукой, отошёл. Ну а чего воздух сотрясать? Не повезут ведь сейчас генерала в больницу. Да и сердце вроде нормально бьётся.

– Что нового, Николай Григорьевич? – протянул руку Первый Секретарь ЦК.

– Бомба там. С дозиметром ныряли, – подскочил начальник Гражданской обороны нового округа.

– Ясно.

– Сейчас трактора подъедут, – продолжил генерал-лейтенант.

– Подождём, твою мать...

– Простите?

– Песня... Работайте. Николай Григорьевич, поехали назад. Тут без нас разберутся. Нужно с Москвой на связи быть. Пиндосы ведь не успокоятся теперь – как бы настоящую ядерную войну китайцам не устроили.

– Я бы только рад был. Ведь чудом все живы! Полмиллиона человек бы погибло. Негр страну спас, кому расскажи...

– Он не просто негр. Он – джин.

– В смысле?

– В смысле имя у него такое – Джин. Джин Минго.

– А, в этом... Я-то про сказку подумал.

– А разве не сказка? То на меня с бульдозером упадёт, то китайский бомбардировщик сойдёт на игрушечном коптере. Поехали, там Гречко с Косыгиным, может, чего нового придумали.

– А бомба? – опешил Ляшенко.

– Что вы, бомб не видели? Или думаете, без вас не вытащат? Знаете, какой самый плохой стиль руководства? Сам скажу. Это когда всё стараешься за подчинённых сам сделать. Привыкнут. Сядут на шею.

– Ну, на мою ещё залезть надо, – недовольно буркнул генерал.

– Вот и не будем подставлять. Что-то беспокойно мне. Нужно быть поближе к телефону. Поехали, Николай Григорьевич.

– И мне тревожно. Такое чувство, что не кончилось ещё. Начинается всё только.

– Одну минуту товарищ Первый Секретарь. Архипов, я в штаб. Как только самолёт вытащите, сообщите. И при любых непредвиденных сразу по радиации сообщайте, – генерал глянул на озеро. Лёгкая рябь дробила солнце на тысячу искорок. И не скажешь, что смерть под ними.

Глава 8

Интермеццо девятое

Трамп заявил, что хочет видеть Байдена в тюрьме, на что Байден ответил, что не собирается его там навещать.

На борту авианосца «Рейнджер», построенного в типе «Форрестол» больше десяти лет назад, в большом зале для заседаний сидели всего четыре человека. Трое были в штатском, и лишь один высокий и худой генерал сверкал на погонах четырьмя звёздами. Он дождался, пока джентльмены выкурят сигары и сигареты, потом встал и подошёл к прикреплённой к доске карте СССР. Рядом висели ещё две карты – Китая и Азии. Генерала звали Эрл Уилер, и он был Председателем объединённого комитета начальников штабов. Должность, в США довольно косвенно связанная с принятием решения об открытии военных действий против суверенного государства – а именно этим собравшаяся четвёрка и хотела заняться. В прямые обязанности четырёхзвёздного генерала входили кадровые назначения и надзор за ресурсами и личным составом, выделенным для осуществления боевых действий в рамках вверенных им служб. Председатель также мог передавать сообщения от Президента и Министра Обороны и, в случае необходимости, выделять дополнительные средства для боевых командиров. По существу же Эрл Уилер являлся самым высокопоставленным военным офицером вооружённых сил США и главным военным советником президента, Совета национальной безопасности и министра обороны. Вот сейчас он и пытался дать совет президенту и министру – не лезть в эту заварушку. И, похоже, тщетно.

Четвёртым человеком был сорокашестилетний советник по национальной безопасности США Генри Альфред Киссинджер. Самый молодой и самый влиятельный политик в США на данный момент.

– По последним данным, китайский самолёт с ядерной бомбой типа нашего «Малыша» сбит в десяти километрах от Алма-Аты. Это столица одной из республик СССР. Всего в сторону Алма-Аты вылетели семнадцать фронтовых китайских бомбардировщиков Н-5А, модификация «Харбин-5» – это нелегальные копии советского Ил-28. Именно с такого самолёта 27 декабря 1968 года впервые была сброшена китайская атомная бомба.

– Семнадцать, – Генри Киссинджер почти засмеялся, прыснул, но тут же придал лицу серьёзное выражение. – Простите, просто у китайцев не может быть семнадцать ядерных зарядов.

– Соглашусь с вами, – генерал проигнорировал смешок. – Скорее всего, наряду с самолётами, которые перевозили «малыши», были и те, кто вёз обычные бомбы.

– И что предприняли Советы – нет новой информации? – министр обороны США Мелвин Лэрд, по понятным причинам, военным не был. В последние десять лет он скорее занимался здравоохранением, чем военными делами, хотя в конце Второй Мировой и служил во флоте. С 1956-го по 1967-й, будучи конгрессменом, являлся членом делегации США во Всемирной организации здравоохранения.

– Русские молчат. Может, вам, мистер президент, стоит им позвонить?

– Нет. Это будет перебор. Попробуйте всё же выяснить хоть что-нибудь по дипломатическим каналам. Ваши предложения, джентльмены? – Стассен чуть ослабил галстук. Несмотря на работающие кондиционеры, было и влажно, и душно, и жарко.

– Информация по Китаю-то хоть новая есть? – обратился Мелвин Лэрд к Киссинджеру.

– «Великий Кормчий» точно мёртв. В Пекине заправляет всем премьер Чжоу Эньлай. В Харбин с большей частью генералитета сбежал тот, кто, по мнению наших аналитиков, организовал покушение – министр обороны КНР маршал Линь Бяо, который ко всему ещё занимает должность Первого заместителя председателя Коммунистической партии Китая. Что там произошло – точных данных нет, и что не поделили лидеры Китая – тоже неясно. Закончится это гражданской войной, или они пойдут на определённые компромиссы и остановятся – предположить, не имея точных данных, очень сложно.

– Мистер президент, я считаю, что мы на время должны дистанцироваться от конфликта Китая и СССР, – попытался ещё раз образумить «ястребов» генерал.

– А я считаю, что нужна провокация. Вернее, наоборот – китайцы должны обстрелять наши самолёты, – Генри Киссинджер вообще сдёрнул галстук через голову. – Ну и парилка!

– И как этого добиться? – Стассен отхлебнул воды из стакана.

– Да куча возможностей. Во-первых, об этом можно просто заявить через СМИ. Как это проверить? Во-вторых, можно послать пару бомбардировщиков с Тайваня или Окинавы – пусть чуть углубятся в пределы китайской территории.

– Но ведь там будут наши парни! – замотал головой Председатель объединённого комитета начальников штабов.

– Достаточно нескольких выстрелов – потом можно уходить, – поддержал советника министр обороны.

– Первый вариант мне нравится больше, – допил воду президент.

– Нужно только будет найти экипаж, который пролетит рядом с границей КНР, и потом согласится заявить об обстреле аккредитованным на Окинаве журналистам. Ну, и потом – поднять прессу в штыки, – развёл руками Генри Киссинджер.

– Решено, – Стассен прихлопнул рукой по столу.

– Может, всё же... – начал было генерал Уилер.

– Решено, Эрл. Решено, – ещё раз хлопнул ладонью по столу красного дерева Президент Соединённых Штатов Америки.

Событие шестое

*Помни – друзья всегда придут к тебе на выручку. Чем больше
выручка – тем больше друзей придёт.*

*Друзья подарили мне кружку с голой бабой. Так жена кружку
разбила, а бабу вообще прогнала!*

В Алма-Ате жизнь была ключом. Все мчались одновременно во всех направлениях. Звенели трамваи, ревели сигналы грузовиков, и даже «Волги» с «Москвичами» библикали на бедных, осатаневших от трёхчасового сидения под землёй людей. Его «Ваграну» даже едущие впереди две милицейские буханки не помогли – застревали то и дело. Ну, мигают на них маячки, ну, тоже библикают – кого этим сегодня удивишь? Вон и милицейские машины все светятся, и даже пожарники куда-то спешат. Не иначе, анекдот про невыключенный утюг претворён в действие. Плохо! Но, по сравнению с Хиросимой, – терпимо. Надо только заметочку потом себе в блокноте сделать: найти погорельцев и отремонтировать им квартиры или дома за счёт государства. Это ведь оно виновато, что не защитило своих граждан и пропустило самолёт к городу. Вот пусть и раскошеливается.

Пётр сначала нервно тарабанил пальцами по подлокотникам, а потом как-то мгновенно успокоился. Вот при виде тысяч людей понял, наконец, что всё кончилось, и никакой беды не случилось. Пролетела стрела, выпущенная Марсом, или Аресом, мимо. Встал на пути этой стрелы огромный Джин. Это сколько же шансов было, что малюсенький коптер именно в это время именно в этой точке окажется?

Вот же заразы китайцы! Чего наши возятся с ними? Вбомбить их в каменный век. Сказки про ядерную зиму, небось, придумали наши в КГБ и пустили гулять по свету. Может, кого и остановит. Как-то давным-давно, ещё году в 2015-м, в той реальности, наткнулся на просторах интернета про мирный атом. Каналы атомными бомбами хотели рыть, увеличивать мощности нефтяных и газовых скважин. Ни то, ни другое не удалось великим советским учёным, которые не хуже английских – но зато успели рвануть на собственной территории 240 атомных бомб. Вот таких «Малышей». И никакой зимы. Наоборот, вон глобальное потепление началось.

Надо дать возможность пиндосам порезвиться. Пусть они разрушат все атомные объекты социалистического Китая, а ещё превратят города-миллионники в радиоактивные руины. Китайцы – это не японцы, они США эту бомбёжку никогда не простят. Народ упорный! Где только могут, вредить начнут. И тогда не будет этого великого китайского экономического чуда.

Во! Стоять. Бояться. А ещё под эту вакханалию, можно вывезти из Китая уйгуров. Опять стоп. Наоборот надо! Это китайцев вывезти из – как эта страна должна называться? – Уйгурии? Нет, Джунгарии. Вот, точно! Даёшь свободную Джунгарию. У нас сейчас в Казахстане полно уйгуров – пусть Шелепин займётся. А то ведь закиснет в Кремле. Нужна коммунистическая партия Социалистической Республики Великая Джунгария. Потом из казахов и киргизов с узбеками сформировать несколько дивизий, да и отправить зачищать Джунгарию от ханьцев. Пусть на родину едут. «Чемодан, Вокзал, Пекин».

А ещё Индию надо натравить на них. Чего они оттяпали? Аксай-Чин? Белый овраг? Одним словом, кусок соляной пустыни, без единого жителя. Кто же захочет годами жить в соляной пустыне в горах, без малейшего дождика? Но раз Индии надо, пусть вводит войска. Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР поделить между Индией и новым государством СРВД. Ещё где-то там Джамму и Кашмир. Пусть воюют. Индия у нас будет оружие закупать.

Мы их поддержим в ООН. «Руски-хинди пхай пхай». Нет, не так – но как-то похоже. Ага! «Хинди – Руси Бхай-Бхай!» Братья, растудят их в качель.

Монголия? Точно. Есть ведь ещё одна пустыня в Китае – Внутренняя Монголия. Её тоже оттяпать? Отдать монголам? Нет, это головняк на века. Нужно там тоже отдельное государство создавать, и только тот кусочек с редкоземельной рудой присоединить к МНР – а всю МНР пристегнуть к СССР. И весь мир будет просить всякие иттрии, или чего там, для микросхем.

Куда ещё залезть? Тайвань? Пусть оттяпают от Китая остров Хайнань, и кучу всяких мелких островков. И потребуют Гонконг. Чей он сейчас? Английский? Пусть пиндосы скажут им «утю-тю». Во, стратег!!!

Ух, размахнись плечо, раззудись рука! Под эти милитаристские мечты и добрались до ЦК.

Косыгин на связь не вышел – на совещании. Цинев не вышел – на совещании. Гречко не вышел – на командном пункте. Это где, интересно? В горах Памира? Очень не хотелось звонить Шелепину. «Железный», блин. Пришлось.

На удивление мирно пообщались. Ну, сначала. Не хотел ведь звонить. Оказывается, совещание как раз у него. Мир делят! Тоже стратеги. Узнал новости. Неоднозначные. Мао вроде грохнули, и вроде власть не поделили. Линь Бяо и Чжоу Эньлай. Дела! А чего? Самое время! И Пётр вывалил на Николаича всю ту голубую муть, что по дороге придумал.

Шурик крикнул. Шарик сдулся.

– Вы там, Пётр Миронович, действовать не начните.

– А вы подумайте, Александр Николаевич. Такой шанс раз в сто лет даётся. Китай нашим другом не станет никогда. Он слишком большой, чтобы стать чьим-то другом – он сам себе друг. Ну, про обезьяну вы ведь их поговорку знаете.

– Предупреждаю, Пётр Миронович, никаких действий не предпринимайте. И вообще, прилет...

– Нет! Хватит! Калекой меня хотите сделать? Будут новости, звоните! – и трубку приземлил.

Ух. Выдохнем.

Позвонили с новостями через минуту. Косыгин.

– Пётр Миронович, вы постарайтесь минимизировать для людей ущерб.

– Конечно, Алексей Николаевич, сам думал. Пока сюда ехал, пожарные машины видел. Наверное, где-то загорелось, пока хозяев не было. Хотел ремонт за государственный счёт сделать.

– Правильное решение. Ещё мы вам выделим дополнительно немного денег на строительство жилья. Освоите?

– Конечно. На днях начнут корейские стройбатовцы прибывать. Алексей Николаевич, а можно на ближайшую пару месяцев «Артек» и «Орлёнок» для наших зарезервировать?

– Обязательно так и сделаем. Пётр Миронович, зная ваши, кхм, возможности, прошу вас на политической арене хоть денька два-три не отсвечивать.

– Конечно, Алексей Николаевич, буду дома болеть.

– Выздоровливайте. Всего доброго.

Вот – есть же нормальные, спокойные люди. То же самое сказал, но возражать не хочется. А какие у него возможности? Ну-ка, ну-ка!!!

Событие седьмое

В автомагазине продаются автомобильные лампочки. Заходит мужик: – У вас Плазменные лампочки есть? – Нет. – А Лазерные? – Тоже нет. – А Зеноновые? – Простите, а Вы, собственно, с какой планеты?

Новостей из Москвы всё не было и не было. При этом правительственный телефон не простаивал. Позвонили два товарища по партийной работе. Сначала звякнул Цвигун. Подробности интересовался. Рассказал, чего бы не рассказать. Семён Кузьмич поохал, сказал, что дурачкам всегда везёт и завёл шарманку по поводу дополнительного индийского десанта. Понравилось ему, как эти погонщики слонов в белых одеждах стеками бамбуковыми дисциплину и любовь к труду народу прививали. Вроде узбеки тысячами работающие на земле должны и так быть трудолюбивым народом. Ан, нет, есть оказывается гораздо трудолюбивее. Пообещал попробовать.

Потом позвонил главный коммунист Украины. Тоже подробности воздушного боя «вертолёта» с бомбардировщиком нужны.

– Не вертолёт.

– Да, без разницы. Рассказывай.

Рассказал.

– Не интересно. Слухи ходят, что негр в него из ружья палил.

– Да, какое ружьё – случайное столкновение.

– Случайно обделаться можно, тут судьба! – хохотнул Семичастный.

– Владимир Ефимович! Владимир Ефимович! Ты же коммунист.

– А что коммунисты отменили поговорку: «На роду написано»?

– Товарищ генерал, а ты знаешь, откуда выражения пошло? – сегодня только кто-то из девятчиков этот «род» упоминал. Славянское что-то?

– Знаю.

– А ну?

– Судьба и жизнь человека связаны таинственной нитью, которую держат в своих руках три богини, ведающие судьбами людей. В Греции их звали мойрами.

Первая мойра – Клото – прядёт нить жизни.

Вторая – Лахесис – записывает в специальные книги всё, что должно случиться с человеком.

А третья – Антропос – ждёт момент, когда жизненную нить надо будет обрезать.

– Ну, ни фиги себе. И откуда такие познания? Тебе интернет провели? – блин. Опять лишнее сболтнул.

– Точно, дочь в интернатуре сейчас. Вот им дали задания подготовить доклад атеистический. Ну, она древнюю Грецию выбрала. Пришлось связи напрягать. Вот читаю. Точно пятёрку получит. Ладно, держись там. Всю малину мне обломал. Я уже настроился рассказать своим, как негр летал вокруг этого монстра на маленьком вертолётике, и палил в него из древнего карамульта, или как там у вас дедовские ружья называются. Бывай, – забикивал телефон слоновой кости.

Только трубку положил звонок из Москвы. Думал новости. Нет. Вообще с трёх раз не угадаешь, кто позвонил. Всяких звонков ждал, но только не этого. Вроде не друзья, не враги, но уж точно не друзья. Звонил Воронов Геннадий Иванович – председатель Совета министров РСФСР. Интересный товарищ. Прямой, как палка. Геннадий Иванович был мужик резкий и говорил Брежневу в глаза всё, что думал. Да и остальным партийцам доставалось. Пётр всё

думал, когда его выгонят, в той реальности вроде вот-вот. Но тут «выгнали» недоброжелателей. Ну, ничего, этот новых наживёт.

– Жив, Пётр Мироныч? Ситуации в целом знаю, я по другому вопросу, просто тебя не застать никак, а тут точно знаю, что на рабочем месте. Просьба есть.

– Слушаю, Геннадий Иванович, – начало интригующее.

– Про Павловский автомобильный завод ведь слышал?

– Автобусы? Вроде новые начали делать? – что-то в конце прошлого года было в новостях, правда, на улицах пока не видно.

– 12 ноября 1968 года завод ПАЗ перешёл к выпуску разработанной на базе ПАЗ-652 новой базовой модели предприятия – ПАЗ-672. Так вот есть предложение там ещё и твои виллисы выпускать. Что думаешь?

Ну, ни чего себе. Такого точно не было в реальной истории.

– Там ведь с двигателями возникнет проблема. И с прессами для деталей кузовов.

– Ну, про твою футбольную аферу я наслышан. Не отнять, можешь ты людей уговаривать. Ну, а мы ведь и по столу стукнуть ботинком можем, сделает и павловчанам пресса Уралмаш.

– А двигатели. Я ведь пока покупаю, там многоходовая комбинация и её не расширить.

– ГАЗ под боком. Приспособим их движок пока.

– А ладно. Всё что нужно передам и помогу с обучением людей в Павлодаре, но... – мхатовская пауза, противная сторона сама должна предложить.

– Да, говори уж комбинатор. Если в моих силах помогу, – хихикает и очки, наверное, поправляет.

– Лампочки хочу делать в неметчине.

– Делай.

– Не простые хочу.

– Да, говори уже, – вот интерес прорезался, теперь можно и подсекать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.